ДВО́ЙНИКЪ

или

МОИ ВЕЧЕРА ВЪ МАЛОРОССІИ.

ко 2. части.

Р-3
П-276

ДВОЙНИКЪ

или

МОИ ВЕЧЕРА ВЪ МАЛОРОССІИ.

Сочиненіе

Антонія Погорѣльскаго.

Редкие книги

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1944 г.
Инв. 1936 г. 167357

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
При Императорской Академіи Наукъ.
1828.

Отдел хранения
Гос. Публ. Библиотеки
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. П. бургъ, Марта 1-го дня 1828 года.

Цензоръ Василій Семеновъ.

ДВО́ЙНИКЪ

или

МОИ ВЕЧЕРА ВЪ МАЛОРОССІИ.

ВЕЧЕРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

На другой день, лишь только усѣлись мы по обыкновеннымъ мѣстамъ, Двойникъ началъ разговоръ такъ:

Я обѣщался объяснить вамъ, любезнѣйшій Антоній, почему люди, слывущіе въ свѣтѣ умными, часто

дѣлаютъ глупости; а потомъ научитъ васъ, какимъ образомъ должно опредѣлять степень ума человѣческаго. Обязанность, принятая мною, не легка, почтенный другъ; и потому я долженъ просить васъ заранѣе, принять замѣчанія мои съ дружескою снисходительностью. Умъ человѣческій и вообще все, что только относится къ душевнымъ способностямъ человѣка, есть такая загадка, которую совершенно разрѣшить намъ удастся развѣ въ будущей жизни.

Всевышнему угодно было понятія наши объ отвлеченныхъ предметахъ ограничить рѣзкою чертою, чрезъ которую умнѣйшій человѣкъ, при всемъ стараніи, при всѣхъ усиліяхъ своихъ никакъ, самъ собою, переступить не можетъ. Все, что находится за сею чертою, навсегда останется для насъ неизвѣстнымъ; и потому не ожидайте отъ меня совершенно удо-

влетворительнаго истолкованія и, такъ сказать, анатоміи человѣческаго ума. Замѣчанія мои основаны на простой опытности: я смотрѣлъ на людей, наблюдалъ ихъ дѣйствія, размышлялъ о причинахъ, и всякій разъ болѣе удостовѣрялся, что каждое усиліе переступить чрезъ начертанную намъ границу, не только безполезно, но ведетъ насъ кратчайшимъ путемъ къ заблужденію.

Въ свѣтѣ обыкновенно называютъ человѣка умнымъ, не опредѣляя ни рода, ни степени его ума. Но слово *умъ* есть выраженіе общее, которое не представляетъ намъ никакого точнаго понятія. Умъ раздѣлить можно на большое число родовъ, совершенно между собою различныхъ, и одинъ отъ другаго не зависящихъ. Такъ, на пр. остроуміе, проницательность, здравый разсудокъ, понятливость и проч. суть различные роды ума,

изъ которыхъ человѣкъ можетъ обладать иными, не имѣя въ себѣ ни малѣйшаго признака другихъ.— Вы, вѣрно, встрѣчали людей, напримѣръ, очень острыхъ, но которые совершенно лишены здраваго разсудка; или напротивъ, такихъ, которые съ избыткомъ надѣлены симъ послѣднимъ, но за то не имѣютъ ни малѣйшей остроты. Иногда случается также, что качества, пріобрѣтаемыя воспитаніемъ, какъ на пр. ученость, — которая сама по себѣ не даетъ еще права на названіе умнаго человѣка, — въ свѣтѣ принимаются за умъ. Бываетъ и то, что такія качества, которыя назвать можно второстепенными — ибо онѣ сами собою не составляютъ еще ума, какъ на пр. хитрость — доставляютъ человѣку славу умнаго потому только, что онѣ болѣе другихъ въ глаза бросаются. Начнемъ опредѣленіемъ, который родъ ума предъ прочими долженъ имѣть преимущество.

Самое короткое размышленіе удостовѣритъ васъ, что важнѣйшій, полезнѣйшій и необходимѣйшій изъ родовъ ума, есть здравый разсудокъ. Къ другимъ родамъ относится онъ, какъ алмазъ къ прочимъ драгоцѣннымъ каменьямъ. Но что я говорю? — яхонтъ, изумрудъ драгоцѣнны и безъ алмаза; но острота, проницательность и всѣ другіе роды ума, безъ здраваго разсудка — ничто. Онъ есть краеугольный камень всего зданія, необходимый регуляторъ или правильникъ всѣхъ прочихъ родовъ, которые безъ него бродятъ, сами не зная, гдѣ и за чѣмъ, какъ стадо безъ пастыря. Къ несчастію, не всегда обращаютъ должное вниманіе на неоцѣненное это качество, о которомъ большая часть людей и не помышляетъ, потому, что другіе роды ума блистательнѣе. Замѣтьте, любезный Антоній, что если для совершенія какого нибудь дѣла, представляются два канди-

дана, изъ которыхъ одинъ не ученъ, не остръ, не ловокъ, но имѣетъ здравый разсудокъ, — а другой хотя совершенно лишенъ онаго, но за то остеръ, смѣтливъ, хитеръ; то на вѣрное предпочтешь послѣдняго, хотя первый, безъ сомнѣнія, во всякомъ случаѣ былъ бы полезнѣе.

Изъ сказаннаго мною вы нѣкоторымъ образомъ сами объяснить себѣ можете, почему люди, слывущіе умными, дѣлаютъ непростительныя глупости. Примѣры приведутъ это еще въ большую ясность: X на пр. имѣетъ здравый разсудокъ, остроту и проч., но нѣтъ у него проницательности; — будьте увѣрены, что всякій хитрый глупецъ его обманетъ и доведетъ до глупости. — У не имѣетъ недостатка въ разныхъ родахъ ума; онъ даже и не безъ проницательности, но не понятливъ и не смѣтливъ, такъ, что хотя прони-

кается людей, но не скоро; — и по тому человѣкъ, имѣющій гораздо менѣе ума, можетъ заставить его сдѣлать глупость, прежде нежели успѣетъ онъ опомниться. — Наконецъ Z остеръ, понятливъ, ученъ, хитеръ, однимъ словомъ: въ глазахъ свѣта считается умнѣйшимъ человѣкомъ, но къ несчастію не имѣетъ здраваго разсудка; и потому Z всегда и на каждомъ шагу будетъ дѣлать глупости.

Обратимся къ другимъ родамъ ума. Исчислить всѣ оные не возможно или по крайней мѣрѣ весьма трудно; къ тому же вы сами въ состояніи дополнить мое исчисленіе, буде пожелаете. — Главнѣйшіе, послѣ здраваго разсудка, роды ума, по мнѣнію моему, суть: проницательность, понятливость, глубокомысліе, дальновидность, ясность, смѣтливость (le tacte) и остроуміе (der Scharfſinn), котораго не должно смѣшивать съ остротою

(der Witz). Есть еще роды ума, названные мною выше второстепенными, таковы: хитрость, острота и тому подобное. — Ко всѣмъ этимъ родамъ прибавьте еще два качества, изъ которыхъ одно природное, другое же пріобрѣтается воспитаніемъ, а именно: память и ученость, — и вы будете имѣть матеріалы, изъ соединенія коихъ въ разныхъ количествахъ составляется цѣлое, называемое въ свѣтѣ *умомъ*.

Постараемся опредѣлить яснѣе нѣкоторые изъ таковыхъ родовъ:

О здравомъ разсудкѣ я говорилъ выше, и потому здѣсь прибавлю только, что этотъ родъ гораздо рѣже другихъ встрѣчается большими массами.

Проницательность также принадлежитъ къ рѣдкимъ дарамъ природы. Вы часто увидите людей,

не имѣющихъ недостатка въ другихъ родахъ ума и даже въ здравомъ разсудкѣ, но безъ малѣйшей проницательности. Такой человѣкъ можетъ быть весьма полезнымъ во многихъ случаяхъ, но только не въ такихъ, гдѣ познаніе людей должно быть главнѣйшею потребностью.

Понятливость весьма также нужна; но не такъ часто въ свѣтѣ встрѣчается, какъ противоположныя ей качества: тупость и безтолковость.

Глубокомыслїе есть тотъ родъ ума, который менѣе другихъ необходимъ въ общежитіи. — Въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, особенно о предметахъ отвлеченныхъ, обойтись безъ него нельзя; но для текущихъ дѣлъ жизни онъ не столько нуженъ. — Люди глубокомысленные бываютъ обыкновенно молчаливы и задумчивы; отъ того-то

происходитъ, что многіе глупцы, — которые стараются казаться задумчивыми, часто морщатъ лобъ и при томъ умѣютъ молчать, — въ свѣтѣ слывутъ глубокомысленными.

Дальновидность есть способность изъ настоящаго выводить вѣрныя заключенія о будущемъ, и нѣкоторымъ образомъ предвидѣть конецъ начатаго дѣла, или послѣдствія какого либо дѣйствія. Сей родъ ума встрѣчается весьма рѣдко.

Ясность есть качество, въ важныхъ дѣлахъ очень нужное, но при томъ также довольно рѣдкое. Бываютъ люди умные, которые при здравомъ разсудкѣ, при проницательности, остроуміи и большомъ обиліи хорошихъ мыслей, вовсе не имѣютъ ясности. Голова у нихъ подобна сараю, въ которомъ безъ разбора и порядка набросаны разнообразныя и разноцѣнныя вещи.

Смѣтливость (le tacte) есть такое качество, которое объяснить всего труднѣе. На Русскомъ языкѣ нѣтъ ему даже настоящаго названія; ибо смѣтливость не совсѣмъ выражаетъ то понятіе, которое заключается во Французскомъ словѣ (le tacte). Это какое то чутье или инстинктъ, вовсе не зависящій отъ прочихъ родовъ ума, однако болѣе другихъ имѣющій сродство съ здравымъ разсудкомъ. Онъ помогаетъ намъ, на прим. изъ многихъ средствъ, ведущихъ къ одной и той же цѣли, избрать именно не только удобнѣйшее, но и приличнѣйшее. Онъ научаетъ насъ избѣгать всего, въ чемъ только можемъ мы непріятнымъ образомъ столкнуться съ мнѣніями другихъ; однимъ словомъ: онъ не допускаетъ насъ ни до одного шага, который бы вредилъ достиженію предполагаемой нами цѣли, или былъ бы неприличенъ или безполезенъ. Русскіе въ чужихъ краяхъ славятся этимъ качествомъ,

какъ весьма между ими не рѣдкимъ.

Остроумїе (der Scharfsinn) не требуетъ большихъ объясненій. — Оно обыкновенно бываетъ сопряжено съ здравымъ разсудкомъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени; безъ понятливости же и проницательности даже и существовать оно не можетъ. Отличительная черта его — быстрота. Остроумїе назвать можно *конемъ* прочихъ родовъ ума.

Перейдемъ теперь къ второстепеннымъ родамъ ума, кои суть: острота, хитрость и умъ гостинный (ésprit de société).

Остротою (Witz) называю я способность говорить острыя слова, въ каждомъ предметѣ безъ труда находить смѣшную сторону и т. п. Съ остротою часто соединена бываетъ колкость ума, а иногда порождаетъ она склонность къ на-

смѣшливости, которая есть порокъ. Когда у васъ будутъ дѣти, любезный Антоній, не радуйтесь ихъ остротѣ и не поощряйте ихъ къ оной. Часто, очень часто острота служитъ ко вреду того, кто ее имѣетъ, — и я знаю не одного человѣка, который внутренно жалѣетъ о томъ, что онъ слишкомъ остеръ. Качество это, конечно, само по себѣ не только не вредно, но даже полезно и пріятно; но бѣда въ томъ, что переходъ отъ остроты къ колкости, и отъ колкости къ насмѣшливости такъ легокъ и такъ заманчивъ, что рѣдко кто отъ него удержаться можетъ.

Хитрость — слово, не требующее никакого объясненія. Я замѣчу только, что много есть людей хитрыхъ, которые при томъ очень глупы.

Гостинный умъ (ésprit de société) также не требуетъ большихъ объя-

сненій, хотя выраженіе это совершенно ново. Оно означаетъ способность пріятнымъ образомъ занимать компанію, особливо дамъ. По достоинѣству родъ сей принадлежитъ къ числу послѣднихъ, но притомъ онъ одинъ изъ полезнѣйшихъ — если не для общества, по крайней мѣрѣ для того, кто имъ обладаетъ. Впрочемъ гостинный умъ раздѣляется на разные разряды, смотря по разнымъ гостинымъ. — Часто случается, что человѣкъ, который блеститъ умомъ въ одной гостиной, совершенно глупѣетъ, переходя въ другую.

Для составленія себѣ яснаго понятія о человѣкѣ, слывущемъ умнымъ, надлежитъ наблюдать со вниманіемъ: который изъ описанныхъ здѣсь родовъ въ немъ первенствуетъ, и въ какой мѣрѣ или въ какомъ количествѣ онъ одаренъ прочими родами? И такъ если услышите вы, что кого нибудь называ-

ютъ умнымъ, то совѣтую вамъ сдѣлать слѣдующую надъ нимъ повѣрку:

N. N. слыветъ умнымъ; посмотримъ сколько онъ имѣетъ:

Здраваго разсудка,
Проницательности,
Понятливости,
Глубокомыслія,
Дальновидности,
Остроумія,
Ясности,
Смѣтливости,
Остроты,
Хитрости,
Учености,
Памяти?

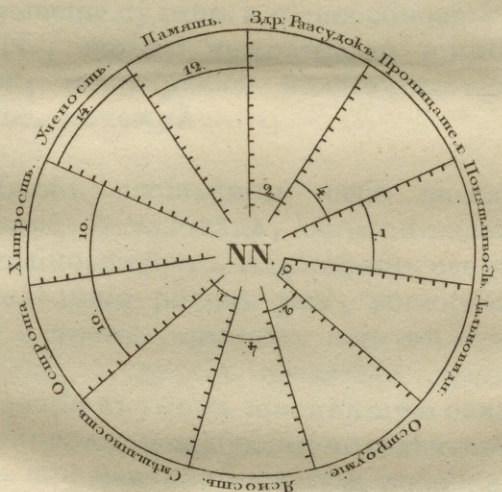
Положите примѣрно, что высшая степень каждаго рода ума будетъ 15 градусовъ, и изобразите потомъ слѣдующую фигуру, въ которой легко означить можно, сколько градусовъ имѣетъ N. N. въ каждомъ родѣ ума. (Смотри фиг. 1).

Вы видите, что по фигурѣ сей N. N. имѣетъ здраваго разсудка 2 градуса, проницательности 4, понятливости 7, дальновидности ничего, остроумія 2, ясности 4, смѣтливости 1, остроты 10, хитрости 10, учености 14, памяти 12 градусовъ.

И такъ взглянувъ на фигуру эту, можете вы вдругъ обозрѣть, изъ чего составляется умъ N. N. — Вы видите, что онъ человѣкъ чрезвычайно ученый, и что первенствующій въ немъ родъ ума есть память, за которою слѣдуютъ острота, хитрость и такъ далѣе. Приведите всѣ роды въ порядокъ по числу градусовъ, и выйдетъ слѣдующее заключеніе: N. N. съ чрезвычайною ученостію соединяетъ необыкновенную память, имѣетъ весьма много остроты и хитрости и довольно понятливости; нѣтъ у него также недостатка въ нѣкоторомъ количествѣ проницательности и ясно-

Къ Стр: 16-й

Фиг: 1.



сти; но за то остроумія и здраваго разсудка очень мало, смѣтливости и того меньше, дальновидности совсѣмъ нѣтъ, а глубокомыслія и не ищите.

Но если по сей одной фигурѣ вы вздумаете судить и о способностяхъ N. N., то вы непремѣнно ошибетесь; постараюсь изложить вамъ яснѣе, почему?

Чтобъ составить себѣ точное понятіе о человѣкѣ, относительно способностей его, надлежитъ сверхъ опредѣленія родовъ ума, которымъ онъ одаренъ, принять еще въ соображеніе и другія свойства души, имѣющія съумомъ тѣснѣйшую связь. Всѣ пороки и слабости человѣческія, какъ то: ненависть, злоба, подлость, мстительность, зависть, корыстолюбіе, самолюбіе, эгоизмъ, гордость, надмѣнность, тщеславіе, упрямство, легкомысліе, имѣютъ сильнѣйшее на нашъ умъ вліяніе. Весьма ча-

Отдел хранения
Гос. Публ. Библиотеки
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

сто они управляютъ умомъ, вмѣсто того, чтобъ умъ управлялъ ими, и отъ этого превратнаго положенія проистекаютъ дѣйствія совсѣмъ противныя тѣмъ, какія произвелъ бы одинъ умъ безъ вліянія пороковъ или страстей. Разные роды ума человѣка, со всѣми ихъ оттѣнками, и разнаго рода пороки его со всѣми также оттѣнками, находятся въ безпрестанномъ движеніи и борьбѣ между собою. Сердце человѣческое, любезный Антоній, такой лабиринтъ, въ которомъ самый искусный наблюдатель не скоро найдетъ нитъ Аріадны. — И такъ если, для опредѣленія степени ума человѣческаго, необходимо имѣть не малое количество смѣтливости и проницательности; то тѣмъ болѣе требуются оныя, при составленіи понятія о другихъ душевныхъ свойствахъ. Здѣсь надлежало бы мнѣ войти въ подробное описаніе этихъ свойствъ и опредѣлить каждое изъ нихъ, какъ выше по-

ступилъ я съ родами ума; но это потребовало бы весьма много времени и увлекло бы меня за предѣлы дружеской бесѣды нашей. Двойникъ вашъ, любезный Антоній, не для того является вамъ, чтобы читать философскія лекціи: онъ имѣетъ цѣлью только усладить ваше уединеніе. И такъ я постараюсь, сколь можно короче, изложить мысли мои о предметѣ, раздробленіе котораго завело бы насъ слишкомъ далеко.

Я говорилъ выше, что пороки имѣютъ сильнѣйшее вліяніе на умъ человѣческій, — и вамъ, быть можетъ, показалось страннымъ, что я упомянулъ токмо о порочныхъ свойствахъ души, не сказавъ ни слова о добрыхъ ея качествахъ, какъ то: о великодушіи, твердости, рѣшительности, добродушіи, сострадательности и проч. Неоспоримо, что и добрыя качества имѣютъ тѣсную связь съ умомъ

нашимъ; но я потому объ нихъ не упомянулъ, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не затмѣваютъ его и слѣдственно не препятствуютъ природному его дѣйствію; пороки же и слабости, напротивъ, портятъ его и даютъ ему совершенно ложное направленіе.

Пороки человѣческіе также, какъ и роды ума, раздѣлить можно на высшіе и низшіе разряды. Къ высшему разряду принадлежатъ: зависть, злоба, самолюбіе, эгоизмъ, гордость и т. п.; къ низшему тщеславіе, легкомысліе, вѣтренность, нескромность и проч. Первые буду я называть собственно пороками, послѣдніе слабостями. — И тѣ и другія имѣютъ вредное вліяніе на нашъ умъ и потому необходимо нужно принять ихъ въ соображеніе при опредѣленіи способностей человѣка. Избѣгая всякаго подробнаго описанія, я не могу однако не коснуться, хотя мимохо-

домъ, нѣкоторыхъ изъ означенныхъ пороковъ, требующихъ особеннаго поясненія.

Самолюбіе, на примѣръ, и *эгоизмъ* часто смѣшиваются одинъ съ другимъ, хотя по мнѣнію моему, оба сіи порока имѣютъ свои собственныя, совершенно отличныя черты, и производятъ разныя дѣйствія, а потому должны подлежать особенному раздѣленію.

Самолюбіе имѣетъ конечно близкое сродство съ эгоизмомъ, но въ такомъ же сродствѣ находится оно и съ другими пороками, и по этому многіе не безъ причины называютъ оное корнемъ всѣхъ прочихъ пороковъ. — Здѣсь однако должно замѣтить, что подъ словомъ: самолюбіе, не разумѣю я того чувства собственнаго достоинства, которое, не выходя изъ границъ умѣренности, ни мало не предосудительно для человѣка; — опъ па-

кого самолюбія не изъяты люди самые скромные и добродѣтельные. Любить себя до нѣкоторой степени позволено и должно; но ставить себя выше ближняго, считать себя лучшимъ и совершеннѣйшимъ, унижая, пренебрегая и презирая другихъ безъ основанія, — вотъ самолюбіе, о которомъ я говорю! — Эгоизмъ обыкновенно соединенъ бываетъ съ большимъ количествомъ самолюбія; но послѣднее это свойство часто встрѣчается и безъ эгоизма. Я знаю людей, которые при чрезмѣрномъ самолюбіи не только не имѣютъ ни малѣйшаго эгоизма, но даже въ высшей степени одарены всѣми противоположными ему качествами. Они добры, щедры, всегда готовы, не колеблясь, жертвовать собственнымъ имѣніемъ и спокойствіемъ для блага другихъ; но при томъ внутренно величаютъ себя и терзаются завистью, когда находятъ въ другихъ высокія добродѣтели.

Эгоистъ, напротивъ того, никогда не можетъ быть ни прямо великодушнымъ, ни добрымъ, ни щедрымъ. Всѣ дѣйствія его клонятся только къ собственной его пользѣ; — все въ мірѣ относитъ онъ собственно къ себѣ. Онъ щедръ и сыплетъ деньгами, чтобъ достигнуть того, что считаетъ для себя полезнымъ или пріятнымъ; — но скупъ и жалѣетъ о копѣйкѣ, когда не предвидитъ никакой для себя пользы. Онъ въ состояніи сдѣлать добро, — но съ тѣмъ, чтобы оно не стоило ему ни труда, ни денегъ. Иногда онъ можетъ рѣшиться даже и на великодушный поступокъ; — но посмотрите на него внимательно, и вы увидите, что онъ имѣлъ при томъ цѣль, собственно къ нему относящуюся. По наружности, онъ кажется приверженнымъ къ друзьямъ своимъ; — но это потому только, что онъ имѣетъ въ нихъ нужду, или просто къ нимъ привыкъ и безъ нихъ ему скучно; доставьте

ему другое, пріятнѣйшее занятіе, — онъ объ нихъ и не вспомнитъ. Скажу еще болѣе: онъ, кажется, обожаетъ жену свою и страстно любитъ дѣтей; но и это чувство въ немъ, такъ сказать, не безкорыстно: онъ любитъ ихъ для себя, а не для нихъ. Если жена его или дѣти умрутъ, онъ всячески стараться будетъ скорѣе забыть ихъ; — онъ будетъ бояться плакать, чтобъ не испортить своихъ глазъ... И притомъ, если онъ не глупъ, то будетъ умѣть скрыть холодность сердца своего подъ личиною твердости духа.

Таковое описаніе эгоиста вамъ, можетъ быть, покажется преувеличеннымъ; но вы ошибетесь, любезный Антоній! Такихъ людей на свѣтѣ болѣе, нежели вы думаете; но такъ какъ они, для собственной своей пользы, иногда бываютъ добры и ласковы, то эгоизмъ ихъ не всякому замѣтенъ.

Здѣсь долженъ я сказать также нѣсколько словъ, еще объ одномъ порокѣ, который въ свѣтѣ чаще встрѣчается, нежели какъ вы, можетъ быть, полагаете: это *зависть*. Поэты описываютъ ее въ образѣ женщины тощей и исхудалой, съ ехиднымъ взглядомъ, съ жаломъ вмѣсто языка, съ вялыми губами, съ ядоточными устами. . . . Невидимо вкрадывается она въ пышныя палаты вельможи и въ хижину бѣднаго, и не только засѣдаетъ иногда въ собраніяхъ ученыхъ и знатныхъ людей, но часто занимаетъ первое мѣсто въ гостиныхъ большаго свѣта. Какъ испугалась бы иная дама, когда бы у ней вдругъ открылись глаза, и она бы увидѣла, что гнусное это исчадіе повсюду ее сопровождаетъ, и въ то самое время, когда она, терзая добрую славу другихъ, въ гордомъ ослѣпленіи считаетъ себя поборницею добродѣтели, зависть стоитъ за ея плечами и шепчетъ ей на ухо. . . .

Но порокъ этотъ, по несчастію, не всегда принимаетъ на себя видъ такой отвратительный, и потому иногда находитъ путь къ сердцу благороднѣйшихъ людей. Такъ, мой другъ! — бываютъ люди, справедливо заслуживающіе уваженіе наше по отличнымъ качествамъ ума и сердца, которые сами не замѣчаютъ, что въ ихъ сужденія о ближнемъ вмѣшивается зависть. Правда, что она, являясь въ обществѣ уважаемаго человѣка и будучи закрыта непроницаемымъ покрываломъ, рѣдко кѣмъ узнана быть можетъ; — но при всемъ томъ она по прежнему остается завистью. Возьмите въ примѣръ Фрола: онъ добръ, чувствителенъ, уменъ, великодушенъ; онъ вѣрный другъ своихъ друзей и не врагъ своихъ враговъ.... Казалось бы, что зависть не найдетъ мѣста въ благородномъ его сердцѣ. Увы! даже и туда она вскрасться умѣетъ. Замѣтьте, что Фролъ — который готовъ изви-

нять слабости другихъ, который иногда, по излишней снисходительности, находитъ добродѣтели тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ рѣшительно, — этотъ самый Фролъ, какъ скоро дѣло идетъ о людяхъ, равныхъ ему добрыми качествами, судитъ необыкновенно строго и даже находитъ нѣкоторое въ томъ удовольствіе, чтобы отыскивать въ нихъ недостатки!

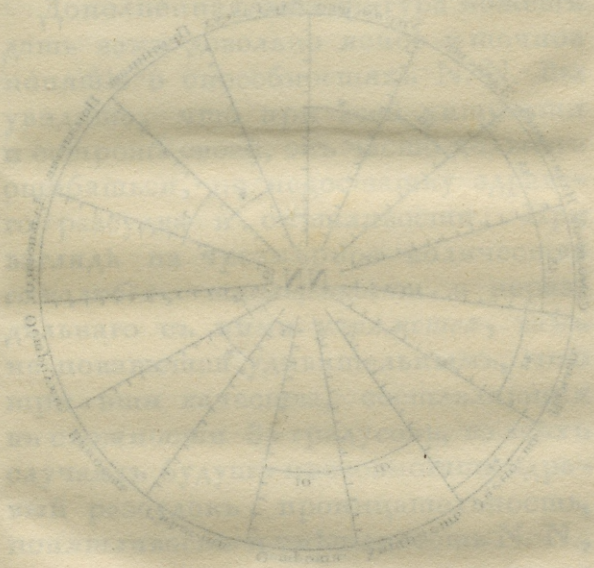
Зависть эта еще замѣтнѣе въ сужденіяхъ Фрола о людяхъ къ нему близкихъ, связанныхъ съ нимъ короткимъ знакомствомъ и дружбою; ибо онъ преимущественно въ кругу друзей и знакомыхъ желаетъ быть первымъ и не терпитъ соперничества, — и потому то очень рѣдко оспариваетъ совершенства постороннихъ лицъ. Онъ защищаетъ ихъ слабости и даже иногда ставитъ выше себя тѣхъ, которые занимаютъ гораздо низшую противъ него степень нравственнаго

совершенства. Но какъ скоро покажется ему, что кто нибудь, въ кругу его знакомыхъ, можетъ похитить у него первенство, которое считаетъ онъ природнымъ своимъ достояніемъ; тогда зависть, непримѣтнымъ для него самаго образомъ, беретъ верхъ надъ добротою его сердца. Тогда не упускаетъ онъ случая обращать вниманіе на недостатки своего соперника и увеличивать ихъ, хотя бы онъ былъ самый близкій къ нему человѣкъ. Передъ нимъ, на пр. выхваляютъ умъ друга его; онъ на то соглашается,— но притомъ замѣчаетъ, что умъ этотъ былъ бы еще совершеннѣе, если бы не былъ затмѣваемъ такимъ-то недостаткомъ. Вы видите его не веселымъ, даже печальнымъ; спросите о причинѣ — и онъ скажетъ вамъ, что досадуетъ на друга своего за то, что сей послѣдній, не смотря на изящныя свои качества, не можетъ отстать отъ такой-то слабости. „Если бъ этотъ человѣкъ — гово-

ритъ онъ съ видомъ душевнаго прискорбія — при отличныхъ способностяхъ и рѣдкихъ добродѣтеляхъ, которыми онъ такъ щедро надѣленъ природою, имѣлъ болѣе основательности, болѣе постоянства и проч., — что бы изъ него было!“... Иногда онъ, подъ видомъ дружескаго участія, бранитъ друга своего въ кругу знакомыхъ за недостатки, которыхъ тотъ вовсе не имѣетъ, и проситъ его преодолѣть слабости, которыхъ въ немъ нѣтъ! — Такимъ образомъ, мало по малу, разрушаетъ онъ пріобрѣтенное другомъ его уваженіе и на развалинахъ онаго опять садится на первое мѣсто. . . . При всемъ томъ, онъ прольетъ послѣднюю каплю крови за того, кого старается унизить во мнѣніи другихъ. Онъ для спокойствія его продастъ послѣдній кафтанъ свой и готовъ идти въ землекопы, чтобъ только облегчить его участь, если бъ нужда того потребовала. Вотъ, любезный Антоній, ка-

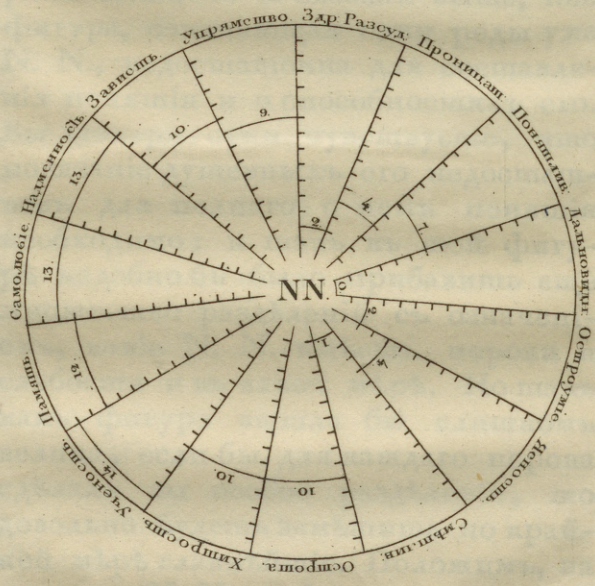
кія странныя противорѣчія встрѣчаются въ бѣдномъ человѣческомъ сердцѣ!

Но обратимся опять къ фигурамъ нашимъ. Я сказалъ выше, что фигура, означающая одни роды ума N. N., недостаточна для составленія понятія и о способностяхъ его. Вы теперь сами чувствуете, что показаніе душевныхъ его недостатковъ для полнаго о немъ понятія необходимо; и такъ къ той фигурѣ надобно бъ было прибавить еще множество раздѣленій съ означеніемъ, какіе N. N. имѣетъ пороки и слабости и въ какой мѣрѣ. Но такъ какъ фигура вышла бы слишкомъ велика, если бы для каждаго порока сдѣлали вы особое раздѣленіе, то довольно будетъ замѣтить по крайней мѣрѣ главнѣйшіе. Положимъ, на пр. что N. N. особенно самолюбивъ, надмѣненъ, завистливъ и упрямъ; и такъ къ означенной фигурѣ прибавше еще четыре раздѣленія для



Къ Стр: 30.

Фиг: 2.



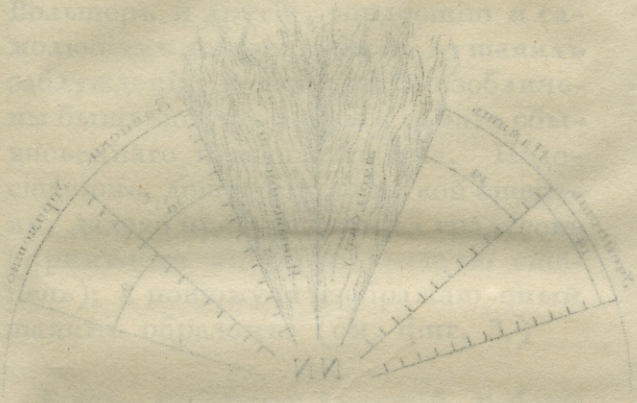
упомянутыхъ пороковъ. Такимъ образомъ фигура, представляющая полное понятіе о N. N., будетъ слѣдующая: (Смотри фиг. 2).

Дополненная эта фигура можетъ дать вамъ довольно ясное и точное понятіе о способностяхъ N. N. Вы увидите, что при всей хитрости и остротѣ своей, онъ часто долженъ ошибаться, по недостатку здраваго разсудка и смѣтливости. При взглядѣ на чрезмѣрное количество *самолюбія*, *напыщенности* и нераздѣльнаго съ ними *упрямства*, вамъ не покажется удивительнымъ, что при эти качества, составляющія въ сложности 35 градусовъ, во всѣхъ случаяхъ будутъ превозмогать здравый разсудокъ, проницательность, понятливость и смѣтливость N. N., которыхъ у него всего на все только 14 градусовъ.

Обративъ вниманіе на десять градусовъ *зависти*, вы безъ труда пой-

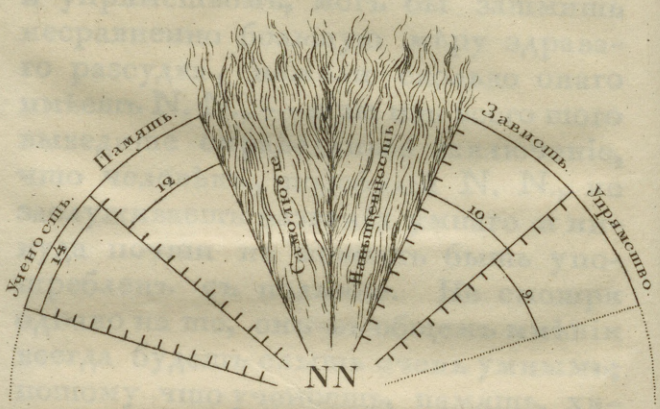
мете, что порокъ этотъ, соединенный съ самолюбіемъ, надмѣнностію и упрямствомъ, могъ бы затмить несравненно большую мѣру здраваго разсудка, нежели сколько онаго имѣетъ N. N., — и вы изъ всего того выведите справедливое заключеніе, что человѣкъ, подобный N. N., не заслуживаетъ названія умнаго и никуда почти не можетъ быть употребленъ съ пользою. Не смотря однако на то, онъ въ общемъ мнѣніи всегда будетъ слыть очень умнымъ; потому что ученость, память, хитрость и острота его, должны обморочить людей невнимательныхъ и лѣнивыхъ, которые составляютъ несравненно большую часть такъ называемой публики.

Въ заключеніе сихъ замѣчаній я долженъ еще сказать вамъ, что душевные недостатки наши имѣютъ то особенное свойство, что они увеличиваются въ удивительной прогрессіи, если человѣкъ не поста-



Къ Стр: 33 $\frac{3}{4}$

Фиг: 3.



рается заблаговременно истреблять ихъ. Отъ того-то происходитъ, что умнѣйшіе люди, какъ на пр., Вольтеръ и другіе, гордостію и самолюбіемъ доведены были до такихъ заблужденій, въ которыхъ изобличены быть могутъ людьми самаго обыкновеннаго и простаго ума. Недостатокъ, дошедшій до такой степени, далеко превышаетъ 15 градусовъ (приняные мною за высшую степень); а потому я изображаю оный такимъ образомъ: (см. фиг. 3.)

Вотъ, любезный Антоній, наблюденія, сдѣланныя мною надъ умомъ человѣческимъ. Онѣ, мнѣ кажется, могутъ служить достаточнымъ отвѣтомъ на два вопроса: 1-й, почему люди, слывущіе въ свѣтѣ умными, часто дѣлаютъ глупости? и 2-й, какимъ образомъ можно опредѣлить степень ума человѣческаго? Въ исчисленіи разныхъ родовъ ума и душевныхъ недостатковъ, пропущены мною весьма многіе; но

повторяю, что вы сами, смотря по обстоятельствамъ, можете оные дополнить. —

„Отъ искренняго сердца благодарю васъ, почтенный Двойникъ, за принятый вами на себя трудъ. Въ заключеніяхъ вашихъ я нахожу много справедливаго; но позвольте сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ. Вы научили меня, какимъ образомъ составлять фигуру, показывающую степень ума и способностей; это очень хорошо. Наставьте же меня теперь, какъ мнѣ должно *узнавать* разные роды ума человѣка и душевныя его качества? Безъ необходимаго сего познанія мнѣ ни къ чему не послужатъ фигуры ваши; ибо не зная человѣка, я не могу опредѣлить, сколько градусовъ того или другаго рода ума или порока онъ имѣетъ?“

— Эта задача, сказалъ Двойникъ, еще мудренѣе первыхъ двухъ. Труд-

но — очень трудно разрѣшить ее. Вы хотите научиться узнавать разные роды ума человѣка и душевныя его способности? Вообразите себѣ, любезный Антоній, открытый сверху сосудъ, въ которомъ находится множество веществъ не въ равномъ количествѣ, безпрестанно движущихся такъ, что то одинъ предметъ взберется на верхъ, то другой. Положимъ; что вы желаете знать, какія вещества заключаются въ этомъ сосудѣ и въ какомъ именно количествѣ; но что опрокинуть его, чтобъ увидѣть дно, вы не въ силахъ; — что въ такомъ случаѣ вамъ дѣлать остается? — Стоять передъ сосудомъ, внимательно наблюдать, какіе предметы на верхъ взбираются и которые изъ нихъ чаще прочихъ показываются; наконецъ дождаться, пока всѣ предметы одни за другими явятся предъ глаза ваши, — и только тогда вы съ нѣкоторою вѣроятностію судить можете о томъ,

что заключается въ сосудѣ. Почти такимъ же образомъ, но съ большимъ терпѣніемъ, должно наблюдать и человѣка. . . . Бываютъ, конечно, люди, которые такъ проницательны и имѣютъ такое вѣрное чутье, что съ перваго почти взгляда угадываютъ, что въ сосудѣ кроется; но такіе люди рѣдки — очень рѣдки; да и они иногда ошибаются. Къ этому прибавить я долженъ еще и то, что если природа не одарила васъ достаточнымъ количествомъ здраваго разсудка, проницательности и смѣтливости; то никакими уроками невозможно научить васъ познанію людей. —

„Когда такъ, (не прогнѣвайтесь, почтенный другъ, за мою откровенность!) то, по мнѣнію моему, фигуры ваши совершенно безполезны; ибо того, кто не одаренъ природною способностію познавать людей, онѣ научить тому не могутъ; а тотъ, кто отъ природы полу-

чилъ сію способность, не имѣетъ въ фигурахъ никакой нужды.“

— Любезный Антоній! отвѣчалъ Двойникъ; я не виноватъ, что разрѣшеніе первыхъ двухъ вопросовъ родило третій, на который удовлетворительнаго отвѣта я дать вамъ не въ силахъ. Впрочемъ я долженъ вамъ замѣтить, что вы крайне ошибаетесь, полагая, что тотъ, кто отъ природы получилъ способность познавать людей, не имѣетъ никакой нужды въ предложенныхъ мною фигурахъ. Фигуры эти имѣютъ цѣлью привести въ надлежащій порядокъ сдѣланныя уже надъ кѣмъ нибудь наблюденія, и представляютъ легкій способъ означать, въ какой между собою мѣрѣ находятся различнаго рода умы и недостатки человѣка, намъ уже извѣстнаго. Однимъ словомъ, онѣ могутъ служить къ поясненію понятій нашихъ по сему предмету и способствовать къ тому, чтобъ съ

большею легкостію и нѣкоторою вѣроятностію выводить заключеніе: какъ такой-то человѣкъ, въ такомъ-то случаѣ поступитъ? — Я ласкаю себя надеждою, что смотря съ этой точки на сообщенныя мною вамъ мысли и замѣчанія, вы не найдете ихъ совершенно безполезными. — Но оставимъ эти разговоры до другаго удобнаго случая... Теперь ваша очередь прочитать что нибудь изъ своихъ сочиненій. Впрочемъ довольно уже поздно... И такъ до будущаго свиданія. —

Тутъ мы разстались.

ВЕЧЕРЪ ПЯТЫЙ.

— Начинайте же, любезнѣйшій Антоній! — сказалъ Двойникъ, посѣтившій меня на слѣдующій вечеръ.

„Охотно, почтенный Двойникъ. Но прежде нежели исполню я желаніе ваше, я долженъ спросить у васъ, читаете ли вы Литературныя Новости, издаваемыя при Русскомъ Инвалидѣ?“

— Нѣтъ! Признаюсь, я такъ занятъ, что недостаетъ у меня на то времени. —

„Въ такомъ случаѣ безъ зазрѣнія совѣсти прочту вамъ повѣсть моего сочиненія, напечатанную нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ упомянутыхъ Новостяхъ:

Лафертовская Маковница.

Лѣтъ за пятнадцать предъ сожженіемъ Москвы, недалеко отъ Проломной заставы, стоялъ небольшой деревянный домикъ, съ пятью окошками въ главномъ фасадѣ и съ небольшою надъ среднимъ окномъ свѣтлицею. Посреди маленькаго дворика, окруженнаго ветхимъ заборомъ, видѣнъ былъ колодезь. — Въ двухъ углахъ стояли полуразвалившіеся анбары, изъ которыхъ одинъ служилъ пристанищемъ нѣсколькимъ Индѣйскимъ и Русскимъ курамъ, въ мирномъ согласіи раздѣлявшимъ укрѣпленную поперегъ анбара вѣху. Передъ домомъ изъ за низкаго палисадника поднимались двѣ или три рябины и, казалось, съ пренебреженіемъ смотрѣли на кусты черной смородины и малины, растущіе у ногъ ихъ. Подлѣ самаго крыльца выкопанъ былъ въ землѣ небольшой погребъ, для храненія съѣстныхъ припасовъ.

Въ сей-то убогій домикъ переѣхалъ жить отставной почталіонъ Онуфричь съ женою Ивановною и съ дочерью Марьею. — Онуфричь, будучи еще молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцать прослужилъ въ полѣ и дослужился до ефрейторскаго чина; потомъ столько же лѣтъ вѣрою и правдою продолжалъ службу въ Московскомъ Почтамтѣ; никогда, или, по крайней мѣрѣ, ни за какую вину не бывалъ штрафованъ, и наконецъ вышелъ въ чистую отставку и на инвалидное содержаніе. Домъ былъ его собственный, доставшійся ему по наслѣдству отъ недавно скончавшейся престарѣлой его тетки. Сія старушка, при жизни своей, во всей Лафертовской части извѣстна была подъ названіемъ *Лафертовской Маковницы*; ибо промыслъ ея состоялъ въ продажѣ медовыхъ маковыхъ лепешекъ, которыя умѣла она печь съ особеннымъ искусствомъ. Каждый день, какая бы ни была погода, старушка выходила рано поутру

изъ своего домика и направляла путь къ Проломной заставѣ, имѣя на головѣ корзинку, наполненную маковниками.—Прибывъ къ заставѣ, она разстилала чистое полотенце, перевертывала вверхъ дномъ корзинку и въ правильномъ порядкѣ раскладывала свои маковники. Такимъ образомъ сидѣла она до вечера, не предлагая никому своего товара и продавая оный въ глубокомъ молчаніи. Лишь только начинало смеркаться, старушка собирала лепешки свои въ корзинку и отправлялась медленными шагами домой. Солдаты, стоящіе на караулѣ, любили ее; ибо она иногда подчивала ихъ безденежно сладкими маковниками.

Но этотъ промыслъ старушки служилъ только личиною, прикрывавшею совсѣмъ иное ремесло. Въ глубокій вечеръ, когда въ прочихъ частяхъ города начинали зажигать фонари, а въ окрестностяхъ ея дома разстилалась ночная темно-

та, люди разнаго званія и состоянія робко приближались къ хижинѣ, и тихо стучались въ калитку. Большая цѣпная собака, Султанъ, громкимъ лаемъ провозглашала чужихъ. Старушка отворяла дверь, длинными костяными пальцами брала за руку посѣтителя и вводила его въ низкія хоромы. Тамъ, при мелькающемъ свѣтѣ лампады, на шаткомъ дубовомъ столѣ лежала колода картъ, на которыхъ, отъ частаго употребленія, едва можно было различить бубны отъ червей; на лежанкѣ стоялъ кофейникъ изъ красной мѣди, а на стѣнѣ висѣло рѣшето. Старушка, предварительно принявъ отъ гостя добровольное подаяніе — смотря по обстоятельствамъ—бралась за карты, или прибѣгала къ кофейнику и къ рѣшету. Изъ краснорѣчивыхъ ея устъ изливались рѣкою пророчества о будущихъ благахъ, — и упоенные сладкою надеждою посѣтители, при выходѣ изъ дома нерѣдко вознаграж-

дали ее вдвое болѣе, нежели при входѣ.

Такимъ образомъ жизнь ея протекала покойно въ мирныхъ сихъ занятіяхъ. Правда, что завистливые сосѣди называли ее за глаза колдуньею и вѣдьмою; но за то въ глаза ей низко кланялись, умильно улыбались и величали бабушкою. Такое къ ней уваженіе отчасти произошло отъ того, что когда-то одинъ изъ сосѣдей вздумалъ донести Полиціи, будто бы Лафертовская Маковница занимается непозволительнымъ гаданіемъ въ карты и на кофе, и даже знается съ подозрительными людьми! На другой же день явился Полицейской, вошелъ въ домъ, долго занимался строгимъ обыскомъ и наконецъ при выходѣ объявилъ, что онъ не нашелъ ничего. Неизвѣстно, какія средства употребила почтенная старушка въ доказательство своей невинности; да и не въ томъ дѣло! —

Довольно того, что донось найденъ былъ неосновательнымъ. — Казалось, что сама судьба вступилась за бѣдную Маковницу; ибо скоро послѣ того, сынъ доносчика, рѣзвый мальчикъ, бѣгая по двору, упалъ на гвоздь и выкололъ себѣ глазъ; потомъ жена его нечаянно поскользнулась и вывихнула ногу; наконецъ, въ довершеніе всѣхъ несчастій, лучшая корова ихъ, не будучи прежде ни чѣмъ больна, вдругъ пала. Отчаянный сосѣдъ на силу умилостивилъ старушку слезами и подарками, — и съ того времени все сосѣдство обходилось съ нею съ должнымъ уваженіемъ. Тѣ только, которые, перемѣняя квартиру, переселялись далеко отъ Лафертовской части, какъ на примѣръ: на Пресненскіе пруды, въ Хамовники или на Пятницкую, — тѣ только осмѣливались громко называть Маковницу вѣдьмою. Они увѣряли, что сами видали, какъ въ темныя ночи налеталъ на домъ старухи большой

воронъ, съ яркими, какъ раскаленный уголь, глазами; — иные даже божились, что любимый черный котъ, каждое утро провожающій старуху до воротъ и каждый вечеръ ее встрѣчающій, не кто иной, какъ самъ нечистый духъ.

Слухи эти наконецъ дошли и до Онуфрича, который, по должности своей, имѣлъ свободный доступъ въ переднія многихъ домовъ. Онуфричъ былъ человѣкъ набожный, и мысль, — что родная тетка его свела короткое знакомство съ нечистымъ — сильно потревожила его душу. Долго не зналъ онъ, на что рѣшиться. „Ивановна!“ сказалъ онъ наконецъ въ одинъ вечеръ, подымая ногу и вступая на смиренное ложе, — „Ивановна, дѣло рѣшено! Завтра поутру пойду къ тетькѣ и постараюсь уговорить ее, чтобъ она бросила проклятое ремесло свое. Вотъ она уже, слава Богу, добиваетъ девятой десятокъ; а въ такія лѣта

пора принесть покаяніе, — пора и о душѣ подумать!“

Это намѣреніе Онуфрича крайне не понравилось женѣ его. — Лафершовскую Маковницу всѣ считали богатою, и Онуфричъ былъ единственный ея наслѣдникъ. „Голубчикъ!“ отвѣчала она ему, поглаживая его по наморщенному лбу: „сдѣлай милость, не мѣшайся въ чужія дѣла. У насъ и своихъ заботъ довольно: вотъ уже теперь и Маша подростаетъ; придетъ пора выдать ее за мужъ, а гдѣ намъ взять жениховъ безъ приданаго? Ты знаешь, что тетка твоя любитъ дочь нашу; она ей крестная мать, и когда дѣло дойдетъ до свадьбы, то не отъ кого инаго, кромѣ ее, ожидать намъ милостей. И такъ, если ты жалѣешь Машу, если любишь меня хоть немножко; то оставь добрую старушку въ покоѣ. Ты знаешь, душенька.“... Ивановна хотѣла продолжать, какъ замѣтила, что Ону-

фричъ храпитъ. — Она печально на него взглянула, вспомнивъ, что въ прежніе годы онъ не такъ хладнокровно слушалъ ея рѣчи; — отвернулась въ другую сторону и вскорѣ сама захрапѣла.

На другое утро, когда еще Ивановна покоилась въ объятіяхъ глубокаго сна, Онуфричъ тихонько поднялся съ постели, смиренно помолился Иконѣ Николая Чудотворца,— выперъ суконкою блистающаго на картузѣ орла и почталіонской свой знакъ, и надѣлъ мундиръ. Потомъ подкрѣпивъ сердце большою рюмкою ерофеича, вышелъ въ сѣни. Тамъ прицѣпилъ онъ тяжелую саблю свою, — еще разъ перекрестился и отправился къ Проломной заставѣ.

Старушка приняла его ласково. „Эй, эй! племянничекъ,“ сказала она ему: „какая напасть выгнала тебя такъ рано изъ дому, — да

еще въ такую даль! Ну, ну, добро пожаловать; просимъ садиться.“

Онуфричь сѣлъ подлѣ нее на скамью, закашлялъ и не зналъ, съ чего начать. Въ эту минуту дряхлая старушка показалась ему страшнѣе, нежели — лѣтъ придцать тому назадъ — Турецкая баперея. Наконецъ, онъ вдругъ собрался съ духомъ. „Тетушка!“ сказалъ онъ ей твердымъ голосомъ: „я пришелъ поговорить съ вами о важномъ дѣлѣ.“ —

— Говори, мой милой, отвѣчала старушка; а я послушаю. —

„Тетушка! не долго уже вамъ остается жить на свѣтѣ; — пора покаяться, — пора отказаться отъ сатаны и отъ навожденій его.“

Старушка не дала ему продолжать. Губы ея посинѣли, глаза налились кровью, носъ громко началъ

стукаться объ бороду. „Вонъ изъ моего дому!“ — закричала она задыхающимся отъ злости голосомъ. „Вонъ, окаянный! . . и чтобъ проклятыя ноги твои навсегда подкосились, когда опять ты ступишь на порогъ мой!“ Она подняла сухую руку. . . Онуфричь перепугался до полусмерти; прежняя, давно потерянная, гибкость вдругъ возвратилась въ его ноги: онъ однимъ махомъ соскочилъ съ лѣстницы и добѣжалъ до дому, ни разу не оглянувшись.

Съ того времени всѣ связи между старушкою и семействомъ Онуфрича совершенно прервались. Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ. Маша пришла въ совершенный возрастъ, и была прекрасна, какъ Майскій день; молодые люди за нею бѣгали; старики, глядя на нее, жалѣли о прошедшей своей молодости. Но Маша была бѣдна, — и женихи не являлись.

Ивановна чаще стала вспоминать о старой тетке, и никакъ не могла утѣшиться. „Отецъ твой“ — часто говаривала она Марьѣ—„тогда ряхнулся въ умѣ! Чего ему было соваться туда, гдѣ его не спрашивали? — Теперь сидѣть тебѣ въ дѣвкахъ!“

Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Ивановна была молода и хороша, она бы не отчаялась уговорить Онуфрича, чтобъ онъ попросилъ прощенія у тетушки и съ нею примирился; но съ тѣхъ поръ, какъ розы на ея ланитахъ стали уступать мѣсто морщинамъ, Онуфричъ вспомнилъ, что мужъ есть глава жены своей, — и бѣдная Ивановна, съ горестью принуждена была отказаться отъ прежней власти. Онуфричъ не только самъ никогда не говорилъ о старушкѣ, но строго запретилъ женѣ и дочери упоминать о ней. Не смотря на то, Ивановна вознамѣрилась сбли-

зиться съ тешкою. Не смѣя дѣйствовать явно, она рѣшилась тайно отъ мужа побывать у старушки и увѣрить ее, что ни она, ни дочь нимало непричастны дурачеству ея племянника.

Наконецъ, случай поблагопріятствовалъ ея намѣренію: Онуфрича на время откомандировали на мѣсто заболѣвшаго станціоннаго Смотрителя, и Ивановна съ трудомъ, при прощаньи, могла скрыть радость свою. Не успѣла она проводить дорогаго мужа за заставу, не успѣла еще отереть глазъ отъ слезъ, какъ схватила дочь свою подъ руку и поспѣшила съ нею домой. — „Машинька!“ сказала она ей: „скорѣй одѣнься получше; мы пойдемъ въ гости.“ — Къ кому, матушка? — спросила Маша съ удивленіемъ. „Къ добрымъ людямъ“ отвѣчала мать. „Скорѣй, скорѣй, Машинька; не теряй времени; — теперь уже смеркается, а намъ идти далеко.“

Маша подошла къ висящему на стѣнѣ въ бумажной рамкѣ зеркалу,— гладко зачесала волосы за уши и утвердила длинную темнорусую косу роговою гребенкою; — потомъ надѣла красное ситцевое платье и шелковый платочекъ на шею; — еще раза два повернулась передъ зеркаломъ — и объявила матушкѣ, что она готова.

Дорогою Ивановна открыла дочери, что онѣ идутъ къ тешкѣ. „Пока дойдемъ мы до ея дома“ — сказала она — „сдѣлается темно и мы вѣрно ее застанемъ. Смотри же, Маша, поцѣлуй у тетки ручку и скажи, что ты соскучилась, давно не видавъ ее. Она сначала будетъ сердиться; но я ее умилостивлю; вѣдь не мы виноваты, что мой старикъ спятилъ съ ума.“

Въ сихъ разговорахъ, онѣ приблизились къ дому старушки. Сквозь закрытыя ставни сверкалъ огонь.

„Смотри же, не забудь поцѣловать ручку“ — повторила еще Ивановна, подходя къ двери. Султанъ громко залаялъ. Калитка отворилась, старушка протянула руку и ввела ихъ въ комнату. Она приняла ихъ за обыкновенныхъ вечернихъ гостей своихъ. — Милостивая Государыня матушка! — начала рѣчь Ивановна. . .

„Убирайтесь къ ч. . . !“ закричала старуха, узнавъ племянницу. „За чѣмъ вы сюда пришли? Я васъ не знаю и знать не хочу.“ — Ивановна начала разсказывать, бранить мужа и просить прощенья; но старуха была неумолима. — „Говорю вамъ, убирайтесь!“ кричала она; — „а не то! . .“ Она подняла на нихъ руку.

Маша испугалась, вспомнила приказаніе матушки и, громко рыдая, бросилась цѣловать ея руки. — Бабушка сударыня! — говорила она —

не гнѣвайтесь на меня; я такъ рада, что опять васъ увидѣла! —

Слезы Машины наконецъ тронули старуху. „Перестань плакать“ — сказала она — „я на тебя не сердита: знаю, что ты ни въ чемъ не виновата, мое дитятко! Не плачь же, Машинька! Какъ ты выросла, какъ похорошѣла!“ Она потрепала ее по щекѣ. „Садись подлѣ меня“ — продолжала она: „милости просимъ садиться, Марѳа Ивановна! Какимъ образомъ вы обо мнѣ вспомнили послѣ столь долгаго времени?“

Ивановна обрадовалась этому вопросу и начала разсказывать: какъ она уговаривала мужа, — какъ онъ ее не послушался, — какъ запретилъ имъ ходить къ тетушкѣ, — какъ онѣ огорчались, — и какъ наконецъ она воспользовалась отсутствіемъ Онуфрича, чтобъ засвидѣтельствовать тетушкѣ нижайшее почтеніе. — Старушка съ нетер-

пѣніемъ выслушала разсказы Ивановны. „Быть такъ“ сказала она ей: „я не злопамятна; но если вы искренно желаете, чтобъ я забыла прошедшее, то обѣщайтесь, что во всемъ будете слѣдовать моей волѣ! Съ этимъ условіемъ я приму васъ опять въ свою милость и сдѣлаю Машу счастливою.“ — Ивановна поклялась, что всѣ ея приказанія будутъ свято исполнены.— „Хорошо“ молвила старуха: „теперь идите съ Богомъ; а завтра ввечеру пускай Маша придетъ ко мнѣ одна, не ранѣе однако половины двѣнадцатаго часа. Слышишь ли, Маша? Приходи одна.“ Ивановна хотѣла-было отвѣчать, но старуха не дала ей выговорить ни слова. Она встала, выпроводила ихъ изъ дому и захлопнула за ними дверь.

Ночь была темная. — Долго шли онѣ взявшись за руки, не говоря ни слова. Наконецъ, подходя уже къ

зажженнымъ фонарямъ, Маша робко оглянулась и прервала молчаніе. „Машушка!“ — сказала она въ полголоса — „неужели я завтра пойду одна къ бабушкѣ, ночью и въ двѣнадцатомъ часу? . .“

— Ты слышала, что приказано тебѣ придти одной. Впрочемъ, я могу проводить тебя до половины дороги. —

Маша замолчала и предалась размышленіямъ. — Въ то время, когда отецъ ея поссорился съ своей теткой, Машѣ было не болѣе пятнадцати лѣтъ; она тогда не понимала причины этой ссоры, и только жалѣла, что ее болѣе не водили къ доброй старушкѣ, которая всегда ее ласкала и подчивала медовымъ макомъ. Послѣ того, хотя и пришла уже она въ совершенный возрастъ, но Онуфричъ никогда не говорилъ ни слова объ этомъ предметѣ; а мать всегда отзывалась о

старушкѣ съ хорошей стороны и всю вину слагала на Онуфрича. Такимъ образомъ Маша, въ тотъ вечеръ, съ удовольствіемъ послѣдовала за матерью. Но когда старуха приняла ихъ съ бранью; когда Маша, при дрожащемъ свѣтѣ лампады, взглянула на посинѣвшее отъ злости лице ея; — тогда сердце въ ней содрогнулось отъ страха. Въ продолженіе длиннаго разсказа Ивановны, воображенію ея представилось, какъ будто въ густомъ туманѣ, все то, что въ дѣтствѣ своемъ она слышала о бабушкѣ . . . и если бъ въ это время старуха не держала ее за руку, то, можетъ быть, она бросилась бы бѣжать изъ дому. — И такъ можно вообразить, съ какимъ чувствомъ она помышляла о завтрешнемъ днѣ.

Возвратясь домой, Маша со слезами просила мать, чтобъ она не посылала ее къ бабушкѣ; но просьбы ея были тщетны. „Какая же ты

дура“ — говорила ей Ивановна; — „чего тутъ бояться? Я тихонько провожу тебя почти до дому, дорогой тебя никто не тронетъ, а беззубая бабушка тоже тебя не съѣстъ!“

Слѣдующій день Маша весь проплакала. Начало смеркаться — и ужасъ ея увеличился; но Ивановна какъ-будто ничего не примѣчала, — она почти насильно ее нарядила. „Чѣмъ болѣе ты будешь плакать, тѣмъ для тебя хуже“ сказала она. „Что-то скажетъ бабушка, когда увидитъ красные твои глаза!“ Между тѣмъ кукушка на стѣнныхъ часахъ прокричала одиннадцать разъ. Ивановна набрала въ ротъ холодной воды, брызнула Машѣ въ лицо и потащила ее за собою.

Маша слѣдовала за матерью, какъ жертва, которую ведутъ на закланіе. Сердце ея громко билось, ноги черезъ силу двигались, и такимъ

образомъ онѣ прибыли въ Лафертовскую часть. — Еще нѣсколько минутъ шли онѣ вмѣстѣ; но лишь только Ивановна увидѣла мелькающій вдали между ставней огонь, какъ пустила руку Машину. „Теперь иди одна“ — сказала она: „далѣе я не смѣю тебя провожать.“ Маша, въ отчаяньѣ, бросилась къ ней въ ноги. „Полно дурачиться!“ вскричала мать строгимъ голосомъ. „Что тебѣ сдѣлается? будь послушна и не вводи меня въ сердце!“ Бѣдная Маша собрала послѣднія силы и тихими шагами удалилась отъ матери. Тогда былъ въ исходѣ двѣнадцатый часъ; никто съ нею не повстрѣчался, и нигдѣ, кромѣ старушкина дома, не видно было огня. Казалось, будто вымерли всѣ жители той части города; — мрачная тишина царствовала повсюду; — одинъ только глухой шумъ отъ собственныхъ ея шаговъ отзывался у нея въ ушахъ. Наконецъ пришла она къ домику, и трепещущею ру-

кою дотронулась до калитки. . . Вдали, на колокольнѣ Никиты Мученика, ударило двѣнадцать часовъ. Звуки колокола, въ тишинѣ черной ночи, дрожащимъ гуломъ разстилались по воздуху и доходили до ея слуха. — Внутри домика котъ громко промяукалъ двѣнадцать разъ. . . Она сильно вздрогнула и хотѣла бѣжать . . . но вдругъ раздался громкій лай цѣпной собаки, заскрипѣла калитка — и длинные пальцы старухи схватили ее за руку. Маша не помнила, какъ взошла на крылечко и какъ очутилась въ бабушкиной комнатѣ. . . Пришедъ немного въ себя, она увидѣла, что сидитъ на скамьѣ; передъ ней стояла старуха и терла виски ея муравьинымъ спиртомъ. „Какъ ты напугана, моя голубка!“ говорила она ей. — „Ну, ну! темнота на дворѣ самая прекрасная; но ты мое дитятко еще не узнала ея цѣны и потому боишься. Отдохни

не много; пора намъ приняться за дѣло!“

Маша не отвѣчала ни слова; утомленные отъ слезъ глаза ея слѣдовали за всѣми движеніями бабушки. — Старуха подвинула столъ на средину комнаты, изъ стѣннаго шкафа вынула большую темноалую свѣчку, зажгла ее и прикрѣпила къ столу, а лампаду потушила. Комната освѣтилась розовымъ свѣтомъ. Все пространство отъ полу до потолка какъ будто наполнилось длинными нитками кроваваго цвѣта, которыя тянулись по воздуху въ разныхъ направленіяхъ — то свертывались въ клубъ, то опять развивались, какъ змѣи. . . „Прекрасно!“ сказала старушка — и взяла Машу за руку. „Теперь иди за мною.“ Маша дрожала всѣми членами; — она боялась идти за бабушкой, но еще болѣе боялась ее разсердить. Съ трудомъ поднялась она на ноги. „Держись крѣп-

ко за полы мои“ — прибавила старуха — „и слѣдуй за мной . . . не бойся ничего!“

Старуха начала ходить кругомъ стола и протяжнымъ напѣвомъ произносила непонятныя слова; — передъ нею плавно выступалъ черный котъ, съ сверкающими глазами и съ подняпымъ вверхъ хвостомъ. Маша крѣпко зажмурилась и трепещущими шагами шла за бабушкой. Трижды три раза старуха обошла во кругъ стола, продолжая таинственный напѣвъ свой, сопровождаемый мурлыканьемъ кота. — Вдругъ она остановилась и замолчала. . . . Маша невольно раскрыла глаза — тѣ же кровавыя нитки все еще растягивались по воздуху. Но бросивъ нечаянно взглядъ на чернаго кота, она увидѣла, что на немъ зеленый мундирный сертукъ; а на мѣсто прежней котовой круглой головки показалось ей человѣческое лице, которое

выпараща глаза, устремляло взоры прямо на нее. . . Она громко закричала и безъ чувствъ упала на землю. . .

Когда она опомнилась, дубовый столъ стоялъ на старомъ мѣстѣ, темно-алой свѣчки уже не было и на столѣ по прежнему горѣла лампада; бабушка сидѣла подлѣ нея и смотрѣла ей въ глаза, усмѣхаясь съ веселымъ видомъ. „Какая же ты, Маша, трусиха!“ говорила она ей. „Но до того нужды нѣтъ; я и безъ тебя кончила дѣло. Поздравляю тебя, родная, — поздравляю тебя съ женихомъ! Онъ человѣкъ очень мнѣ знакомый и долженъ тебѣ нравиться. — Маша, я чувствую, что не долго мнѣ осталось жить на бѣломъ свѣтѣ; кровь моя уже слишкомъ медленно течетъ по жиламъ и временемъ сердце останавливается. . . Мой вѣрный другъ“ — продолжала старуха, взглянувъ на кота — „давно уже зовешь меня туда, гдѣ

остылая кровь моя опять согрѣется. — Хотѣлось бы мнѣ еще немного пожить подъ свѣтлымъ солнышкомъ, хотѣлось бы еще полюбоваться золотыми денежками . . . но послѣдній часъ мой скоро стукнетъ. Что жъ дѣлать! чему быть, тому не миновать.

„Ты, моя Маша“ продолжала она, вялыми губами поцѣловавъ ее въ лобъ — „ты послѣ меня обладать будешь моими сокровищами; тебя я всегда любила и охотно уступаю тебѣ мѣсто! Но выслушай меня со вниманіемъ: придетъ женихъ, назначенный тебѣ тою силою, которая управляетъ большею частію браковъ. . . — Я для тебя выпросила этого жениха; — будь послушна и выдь за него. Онъ научитъ тебя той наукѣ, которая помогла мнѣ накопить себѣ кладъ; общими вашими силами онъ наростетъ еще вдвое, — и прахъ мой будетъ покоенъ. Вотъ тебѣ ключь; береги

его пуще глаза своего. Мнѣ не позволено сказать тебѣ, гдѣ спрятаны мои деньги; но какъ скоро ты выйдешь за мужъ, все тебѣ откроется!“ Старуха сама повѣсила ей на шею маленькой ключь, надѣтый на черный снурокъ. Въ эту минуту котъ громко промяукалъ два раза. Вотъ уже насталъ третій часъ утра“ сказала бабушка. „Иди теперь домой, дорогое мое дитя! Прощай! можетъ быть, мы уже не увидимся.“.. Она проводила Машу на улицу, вошла опять въ домъ и затворила за собой калитку.

При блѣдномъ свѣтѣ луны, Маша скорыми шагами поспѣшила домой. Она была рада, что ночное ея свиданіе съ бабушкой кончилось, и съ удовольствіемъ помышляла о будущемъ своемъ богатствѣ. Долго Ивановна ожидала ее съ нетерпѣніемъ. „Слава Богу!“ сказала она, увидѣвъ ее. „Я уже боялась, чтобъ съ тобою чего-нибудь не случилось. Разска-

зывай скорѣй, что ты дѣлала у бабушки?“ Маша готовилась повиноваться, но сильная усталость мѣшала ей говорить. Ивановна, замѣтивъ, что глаза ея невольно смыкаются, оставила до другаго утра удовлетвореніе своего любопытства, сама раздѣла любезную дочку и уложила ее въ постель, гдѣ она вскорѣ заснула глубокимъ сномъ.

Проснувшись на другой день, Маша насилу собралась съ мыслями. Ей казалось, что все, случившееся съ нею наканунѣ, не что иное, какъ тяжелый сонъ; — когда же взглянула нечаянно на висящій у нее на шеѣ ключь, то удостовѣрилась въ истинѣ всего, ею видѣннаго, — и обо всемъ съ подробностью разсказала матери. Ивановна была внѣ себя отъ радости. „Видишь ли теперь“ сказала она — „какъ хорошо я сдѣлала, что не послушалась твоихъ слезъ?“ Весь потъ день мать съ дочерью провели въ сладкихъ мечтахъ о

будущемъ благополучіи. Ивановна строго запретила Машѣ, ни слова не говорить отцу о свиданіи своемъ съ бабушкой. „Онъ человѣкъ упрямый и вздорливый“ примолвила она — „и въ состояніи все дѣло испортить.“

Пропивъ всякаго ожиданія, Онуфричъ пріѣхалъ на слѣдующій день поздно ввечеру. Станціонный Смотритель, котораго должность ему приказано было исправлять, нечаянно выздоровѣлъ, и онъ воспользовался первою ѣдущею въ Москву почтою, чтобъ возвратиться домой.

Не успѣлъ онъ еще разсказать женѣ и дочери, по какому случаю онъ такъ скоро воротился, какъ вошелъ къ нимъ въ комнату прежній его товарищъ, который тогда служилъ будочникомъ въ Лафертовской части, неподалеку отъ дома Маковницы. „Тетушка приказала долго жить!“ сказалъ онъ, не давъ себѣ

даже времени сперва поздороваться. — Маша и Ивановна взглянули другъ на друга. „Упокой Господи ея душу!“ воскликнулъ Онуфричь, смиренно сложивъ руки. „Помолимся за покойницу; она имѣетъ нужду въ нашихъ молитвахъ!“

Онъ началъ читать молитву. Ивановна съ дочерью крестились и клали земные поклоны; но на умѣ у нихъ были сокровища, ихъ ожидающія. Вдругъ онѣ обѣ вздрогнули въ одно время. . . Имъ показалось, что покойница съ улицы смотритъ къ нимъ въ комнату и имъ кланяется! Онуфричь и будочникъ, молившіеся съ усердіемъ, ничего не замѣтили.

Не смотря на то, что было уже поздно, Онуфричь отправился въ домъ покойной тетки. Дорогою прежній товарищъ его разсказывалъ все, что ему извѣстно было о ея смерти. „Вчера“ говорилъ онъ —

„тетка твоя въ обыкновенное время пришла къ себѣ; сосѣди видѣли, что у нея въ домѣ свѣтился огонь. Но сего дня она уже не являлась у Проломной, и изъ этого заключили, что она нездорова. Наконецъ, подъ вечеръ, рѣшились войти къ ней въ комнату, но ее не застали уже въ живыхъ: — такъ иные разсказываютъ о смерти старухи. Другіе утверждаютъ, что въ прошедшую ночь что-то необыкновенное происходило въ ея домѣ. Сильная буря говорятъ, бушевала около хижины тогда, какъ вездѣ погода стояла тихая; — собаки изъ всего околотка собрались передъ ея окномъ и громко выли; — мяуканье ея кота слышно было издалека. . . Что касается до меня, то я нынѣшнюю ночь спокойно проспалъ; но товарищъ мой, стоявшій на часахъ, увѣряетъ, что онъ видѣлъ, какъ съ самаго Введенскаго кладбища, прыгающіе по землѣ огоньки, длинными рядами тянулись къ ея дому и до-

ходя до калишки, одинъ за другимъ, какъ будто проскакивая подъ нее, исчезали. Необыкновенный шумъ, свистъ, хохотъ и крикъ, говорятъ, слышанъ былъ въ ея домѣ до самаго разсвѣта. Странно, что до сихъ поръ нигдѣ не могли отыскать чернаго ея коша!“

Онуфричь съ горестію внималъ разсказу будочника, не отвѣчая ему ни слова. Такимъ образомъ пришли они въ домъ покойницы. — Услужливыя сосѣдки, забывъ страхъ, который внушала имъ старушка при жизни, успѣли ее уже омыть и одѣть въ праздничное платье. Когда Онуфричь вошелъ въ комнату, старушка лежала на столѣ. Въ головахъ у ней сидѣлъ дьячокъ и читалъ Псалтырь. Онуфричь, поблагодаривъ сосѣдокъ, послалъ купить восковыхъ свѣчь, заказалъ гробъ, распорядился, чтобъ было что попить и поѣсть желающимъ проводить ночь у покойницы, и отправился

домой. Выходя изъ комнаты, онъ никакъ не могъ рѣшиться поцѣловать у тетушки руку.

Въ слѣдующій день назначено быть похоронамъ. Ивановна для себя и для дочери взяла на прокатъ черныя платья, и обѣ явились въ глубокомъ траурѣ. Сначала все шло надлежащимъ порядкомъ. Одна только Ивановна, прощаясь съ теткою, вдругъ отскочила назадъ, поблѣднѣла и сильно задрожала. Она увѣряла всѣхъ, что ей сдѣлалось дурно; но послѣ того тихонько призналась Машѣ, что ей показалось, будто покойница разинула ротъ и хотѣла схватить ее за носъ. Когда же стали поднимать гробъ, то онъ сдѣлался такъ тяжелъ, какъ будто налитой свинцомъ, и шесть широкоплечихъ почтальоновъ на силу могли его вынести и поставить на дроги. Лошади сильно храпѣли и съ трудомъ можно было ихъ принудить двигаться впередъ.

Эти обстоятельства и собственныя замѣчанія Маши, подали ей поводъ къ размышленіямъ. Она вспомнила, какими средствами сокровища покойницы были собраны, и обладаніе оными показалось ей не весьма лестнымъ. Въ нѣкоторыя минуты, ключь, висящій у нее на шеѣ, какъ тяжелый камень давилъ ей грудь, и она неоднократно принимала намѣреніе, все открыть отцу и просить у него совѣта; но Ивановна строго за ней присматривала и безпрестанно твердила, что она всѣхъ ихъ сдѣлаетъ несчастными, если не станетъ слушаться приказаній старушки. Демонъ корыстолюбія совершенно овладѣлъ душею Ивановны, и она не могла дождаться времени, когда явится суженый женихъ и откроетъ средство — завладѣть кладомъ. Хотя она и боялась думать о покойницѣ, и хотя, при воспоминаніи объ ней, холодный потъ выступалъ у нея на лицѣ; но въ душѣ ея жадность

къ золоту была сильнѣе страха, и она безпрестанно докучала мужу, чтобъ онъ переѣхалъ въ Лафертовскую часть, увѣряя, что всякой ихъ осудитъ, если они жить будутъ на наемной квартирѣ тогда, когда у нихъ есть собственный домъ.

Между тѣмъ Онуфричъ, отслуживъ свои годы и получивъ отставку, началъ помышлять о покоѣ. Мысль о домѣ производила въ немъ непріятное впечатлѣніе, когда вспоминалъ онъ о той, отъ которой онъ ему достался. Онъ даже всякой разъ невольно вздрагивалъ, когда случалось ему вступать въ комнату, гдѣ прежде жила старуха. Но Онуфричъ былъ набоженъ и благочестивъ, и вѣрилъ, что никакія нечистыя силы не имѣютъ власти надъ чистою совѣстью; и потому разсудивъ, что ему выгоднѣе жить въ своемъ домѣ, нежели нанимать квартиру, онъ рѣшился превозмочь свое отвращеніе и переѣхать.

Ивановна сильно обрадовалась, когда Онуфричь велѣлъ переноситься въ Лафертовской домъ. „Увидишь, Маша“ сказала она дочери — „что теперь скоро явится женихъ. То-то мы заживемъ, когда у насъ будетъ полна палата золота. Какъ удивятся прежніе сосѣди наши, когда мы въѣдемъ къ нимъ на дворъ въ твоей каретѣ, да еще можетъ быть и четверней!“ . . Маша молча на нее смотрѣла, и печально улыбалась. Съ нѣкоторыхъ поръ у нея совсѣмъ иное было на умѣ.

За нѣсколько дней передъ ихъ разговоромъ (они еще жили на прежней квартирѣ), Маша въ одно утро задумавшись сидѣла у окна. Мимо ея прошелъ молодой хорошо одѣтый мужчина, взглянулъ на нее и учтиво снялъ шляпу. Маша ему тоже поклонилась, и сама не знала, отъ чего, вдругъ закраснѣлась! Немного погодя, тотъ же молодой человѣкъ прошелъ назадъ, потомъ обернулся,

прошелъ еще и опять воротился. Всякой разъ онъ смотрѣлъ на нее, и у Маши всякой разъ сильно билось сердце. — Машѣ уже минуло семнадцать лѣтъ; но до сего времени никогда не случалось, чтобъ у нея билось сердце, когда кто нибудь проходилъ мимо окошекъ. Ей показалось это страннымъ, и она послѣ обѣда сѣла къ окну — для того только, чтобъ узнать, забьется ли сердце, когда опять пройдетъ молодой мужчина... Такимъ образомъ она просидѣла до вечера, однако никто не являлся. Наконецъ, когда подали огонь, она отошла отъ окна и цѣлый вечеръ была печальна и задумчива; она досадовала, что ей не удалось повторить опыта надъ своимъ сердцемъ.

На другой день Маша, только-что проснулась, тотчасъ вскочила съ постели, поспѣшно умылась, одѣлась, помолилась Богу и сѣла къ окну. Взоры ея устремлены были

въ ту сторону, отнуда наканунѣ шелъ незнакомецъ. Наконецъ она его увидѣла; глаза его еще издали ее искали, — а когда подошелъ онъ ближе, взоры ихъ какъ будто нечаянно встрѣтились. Маша, забывшись, приложила руку къ сердцу, чтобъ узнать, бьется ли оно? . . Молодой человѣкъ, замѣтивъ сіе движеніе, и вѣроятно не понимая, что оно значитъ — тоже приложилъ руку къ сердцу. . . Маша опомнилась, покраснѣла и отскочила назадъ. Послѣ того она цѣлый день уже не подходила къ окну, опасаясь увидѣть молодаго человѣка. — Не смотря на то, онъ не выходилъ у нея изъ памяти; она старалась думать о другихъ предметахъ, но усилія ея были напрасны.

Чтобъ разбить мысли, она вздумала ввечеру идти въ гости къ одной вдовѣ, жившей съ ними въ сосѣдствѣ. Входя къ ней въ комнату, къ крайнему удивленію, увидѣла она

того самаго незнакомца, котораго тщетно забыть старалась. Маша испугалась, покраснѣла, потомъ поблѣднѣла и не знала, что сказать. Слезы заблистали у ней въ глазахъ. Незнакомецъ опять ее не понялъ... онъ печально ей поклонился, вздохнулъ — и вышелъ вонъ. Она еще болѣе смѣшалась и съ досады заплакала. Встревоженная сосѣдка посадила ее возлѣ себя, и съ участіемъ спросила о причинѣ ея огорченія. Маша сама не ясно понимала, о чемъ плакала, и потому не могла объявить причины; внутренно же она приняла твердое намѣреніе, сколько можно убѣгать незнакомца, который довелъ ее до слезъ. Эта мысль ее поуспокоила. Она вступила въ разговоръ съ сосѣдкой и начала ей разсказывать о домашнихъ своихъ дѣлахъ, и о томъ, что они, можетъ быть, скоро переѣдутъ въ Лафершовскую часть. — „Жаль мнѣ, сказала вдова — „очень жаль, что лишусь добрыхъ сосѣдей; и не я одна

о томъ жалѣть буду. Я знаю одного человѣка, который очень огорчится, когда узнаетъ эту новость.“ Маша опять покраснѣла; хотѣла спросить, кто этотъ человѣкъ, — но не могла выговорить ни слова. — Услужливая сосѣдка вѣрно угадала мысли ея, ибо она продолжала такъ: „Вы не знаете молодаго мужчины, который теперь вышелъ изъ комнаты? Можетъ быть, вы даже и не замѣтили, что онъ вчера и сего дня проходилъ мимо вашего дома; но онъ васъ видѣлъ и нарочно зашелъ ко мнѣ, чтобъ распросить у меня объ васъ. Не знаю, ошибаюсь ли я или нѣтъ, а мнѣ кажется, что вы крѣпко задѣли бѣдное его сердечко! Чего тутъ краснѣть?“ прибавила она, замѣтивъ, что у Маши разгорѣлись щеки. „Онъ человѣкъ молодой, пригожій и если нравится Машинькѣ, то, можетъ быть, скоро дойдетъ дѣло и до свадьбы.“

При сихъ словахъ Машинька невольно вспомнила о бабушкѣ. Ахъ! сказала она сама себѣ, не это ли женихъ мнѣ назначенный? Но вскорѣ мысль эта уступила мѣсто другой, не столь пріятной. Не можетъ быть, подумала она, чтобъ такой пригожій молодецъ имѣлъ короткую связь съ покойницею. Онъ такъ милъ, одѣтъ такъ щеголевато, что вѣрно не умѣлъ бы удвоить бабушкина клада! — Между тѣмъ сосѣдка продолжала ей разсказывать, что онъ хотя изъ мѣщанскаго состоянія, но поведенія хорошаго и трезваго, и сидѣльцемъ въ суконномъ ряду. Денегъ у него большихъ нѣтъ; за то жалованье получаетъ изрядное, и кто знаетъ? можетъ быть, хозяинъ когда - нибудь приметъ его въ товарищи! — И такъ, прибавила она — послушайся добраго совѣта: не отказывай молодцу. Деньги не дѣлаютъ счастья! Вотъ бабушка твоя, — прости Господи мое согрѣшеніе! — денегъ у нея было невѣдь

сколько; а теперь куда все это дѣвалось? . . И черный котъ, говорятъ, провалился сквозь землю — и деньги туда же! —

Маша внутренно очень согласна была съ мнѣніемъ сосѣдки; — и ей также показалось, что лучше быть бѣдною и жить съ любезнымъ незнакомцемъ, нежели богатой и принадлежать — Богъ знаетъ кому! Она чуть-было не открылась во всемъ; но вспомнивъ строгія приказанія матери и опасаясь собственной своей слабости, поспѣшно встала и простилась. Выходя уже изъ комнаты, она однако не могла утерпѣть, чтобъ не спросить объ имени незнакомца. „Его зовутъ Уліяномъ“ отвѣчала сосѣдка.

Съ этого времени Уліянъ не выходилъ изъ мыслей у Маши: все въ немъ, даже имя, ей нравилось. Но чтобъ принадлежать ему, надобно было отказаться отъ сокровищъ,

оставленныхъ бабушкою. Уліянъ былъ не богатъ, и вѣрно, думала она, ни батюшка, ни матушка не согласятся за него меня выдать! — Въ этомъ мнѣніи еще болѣе она увѣрилась тѣмъ, что Ивановна безпрестанно твердила о богатствѣ, ихъ ожидающемъ, и о счастливой жизни, которая тогда начнется. И такъ, страшась гнѣва матери, Маша рѣшилась не думать больше объ Уліянѣ: она остерегалась подходить къ окну, избѣгала всякихъ разговоровъ съ сосѣдкою и старалась казаться веселою; но черты Уліяна твердо врѣзались въ ея сердцѣ.

Между тѣмъ насталъ день, въ который должно было переѣхать въ Лафертовской домъ. Онуфричъ заранѣе туда отправился, приказавъ женѣ и дочери слѣдовать за нимъ съ пожитками, уложенными еще наканунѣ. Подъѣхали двое роспусокъ; извощики, съ помощію сосѣдей, вынесли сундуки и мебель. Иванов-

на и Маша, каждая взяла въ руки по большому узлу и — маленькій каравань тихимъ шагомъ потянулся къ Проломной заставѣ. Проходя мимо квартиры вдовы-сосѣдки, Маша невольно подняла глаза: у открытаго окошка стоялъ Уліянъ съ поникшею головою; глубокая печаль изображалась во всѣхъ чертахъ его. Маша какъ будто его не замѣтила и отворотилась въ противную сторону; но горькія слезы градомъ покатились по блѣдному ея лицу.

Въ домѣ давно уже ожидалъ ихъ Онуфричь. Онъ подалъ мнѣніе свое, куда поставить привезенную мебель, и объяснилъ имъ, какимъ образомъ онъ думаетъ расположиться въ новомъ жилищѣ. „Въ этомъ чуланѣ“ — сказалъ онъ Ивановнѣ — „будетъ наша спальня; подлѣ нея, въ маленькой комнатѣ, поставятся образа; а здѣсь будетъ и гостиная наша и столовая. Маша можетъ спать на верху въ свѣтлицѣ. Ни-

*

когда" продолжалъ онъ - „не случалось мнѣ жить такъ на просторѣ; но не знаю, почему у меня сердце не на мѣстѣ. Дай Богъ! чтобъ мы здѣсь были также счастливы, какъ въ прежнихъ тѣсныхъ комнатахъ!" — Ивановна невольно улыбнулась. Дай срокъ! подумала она; въ такихъ ли мы будемъ жить палатахъ!

Радость Ивановны однако въ тотъ же день гораздо поуменьшилась: лишь только насталъ вечеръ, какъ пронзительный свистъ раздался по комнатамъ и ставни застучали. — Что это такое? — вскричала Ивановна. „Это вѣтеръ" хладнокровно отвѣчалъ Онуфричъ; — „видно ставни не плотно запираются; завтра надобно будетъ починить." Она замолчала и бросила значительный взглядъ на Машу; ибо въ свистѣ вѣтра находила она сходство съ голосомъ старухи.

Въ это время Маша смиренно сидѣла въ углу и не слыхала ни сви-

стy вѣтра, ни стуку ставней — она думала объ Уліянѣ. Ивановнѣ страшнѣе показалось то, что только ей одной послышался голосъ старухи. Послѣ ужина она вышла въ сѣни, чтобъ спрятать остатки отъ умѣреннаго ихъ стола; подошла къ шкафу, поставила подлѣ себя на полъ свѣчку и начала устанавливать на полки блюда и тарелки. Вдругъ услышала она подлѣ себя шорохъ, и кто-то легонько ударилъ ее по плечу . . . Она оглянулась . . . за нею стояла покойница, въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ ее похоронили! . . . Лице ея было сердито; она подняла руку и грозила ей пальцемъ. Ивановна, въ сильномъ ужасѣ, громко вскричала. Онуфричь и Маша бросились къ ней въ сѣни. „Что съ тобою дѣлается?“ закричалъ Онуфричь, увидя, что она была блѣдна, какъ полотно и дрожала всѣми членами. „Тетушка!“ сказала она трепещущимъ голосомъ... Она хотѣла продолжать, но тетуш-

ка опять явилась предъ нею... лице ея казалось еще сердитѣе — и она еще строже ей грозила. Слова замерли на устахъ Ивановны... „Оставь мертвыхъ въ покоѣ“ отвѣчалъ Онуфричь, взявъ ее за руку и вводя обратно въ комнату. „Помолись Богу и грѣза отъ тебя отстанетъ. Пойдемъ, ложись въ постель; пора спать!“ Ивановна легла, но покойница все представлялась ея глазамъ въ томъ же сердитомъ видѣ. Онуфричь, спокойно раздѣвшись, громко началъ молиться, и Ивановна замѣтила, что по мѣрѣ того, какъ она вслушивалась въ молитвы, видъ покойницы становился блѣднѣе, блѣднѣе — и наконецъ совсѣмъ исчезъ.

И Маша тоже безпокойно провела эту ночь. При входѣ въ свѣтлицу, ей представилось, будто тѣнь бабушки мелькала передъ нею, — но не въ томъ грозномъ видѣ, въ которомъ являлась она Ивановнѣ. Ли-

це ея было весело и она умильно ей улыбалась. Маша перекрестилась — и тѣнь пропала. Сначала она сочла это игрою воображенія, и мысль объ Уліянѣ помогла ей разогнать мысль о бабушкѣ; она довольно спокойно легла спать и вскорѣ заснула. Вдругъ, около полуночи, что-то ее разбудило. Ей показалось, что холодная рука гладила ее по лицу. . . она вскочила. Передъ образомъ горѣла лампада и въ комнатѣ невидно было ничего необыкновеннаго; но сердце въ ней трепетало отъ страха: она внятно слышала, что кто-то ходитъ по комнатѣ и тяжело вздыхаетъ... Потомъ какъ будто дверь отворилась и заскрыпѣла . . . и кто-то сошелъ внизъ по лѣстницѣ.

Маша дрожала, какъ листъ. Тщетно старалась она опять заснуть. Она встала съ постели, поправила свѣтильню лампады и подошла къ окну. — Ночь была темная. Сна-

чала Маша ничего не видала; потомъ показалось ей, будто на дворѣ, подлѣ самаго колодца, вспыхнули два небольшіе огонька. Огоньки эти поперемѣнно то погасали, то опять вспыхивали; — потомъ они какъ будто ярче загорѣли и Маша ясно увидѣла, какъ подлѣ колодца стояла покойная бабушка и манила ее къ себѣ рукою . . . За нею на заднихъ лапахъ сидѣлъ черный котъ и оба глаза его, въ густомъ мракѣ, свѣтились, какъ огни. Маша отошла прочь отъ окна, бросилась на постель и крѣпко закутала голову въ одѣяло. Долго казалось ей, будто бабушка ходитъ по комнатѣ, шаритъ по угламъ, и тихо зоветъ ее по имени. — Одинъ разъ ей даже представилось, что старушка хотѣла сдернуть съ ней одѣяло; Маша еще крѣпче въ него завернулась. Наконецъ все утихло; но Маша во всю ночь уже не могла сомкнуть глазъ.

На другой день рѣшилась она объявить матери, что откроетъ все отцу своему и отдастъ ему ключь, полученный отъ бабушки. Ивановна, во время вечерняго страха, и сама бы рада была отказаться отъ всѣхъ сокровищъ; но когда поутру взошло красное солнышко и яркими лучами освѣтило комнату, то и страхъ исчезъ, какъ будто его никогда не бывало. На мѣсто того, веселыя картины будущей счастливой жизни опять заняли ея воображеніе. Не вѣчно же будетъ пугать меня покойница, думала она; выйдетъ Маша за мужъ, и старуха успокоится. Да и чего теперь она хочетъ? Ужъ не за то ли она гнѣвается, что я никакъ не намѣрена сберегать ея сокровища? Нѣтъ, тетушка! гнѣвайся, сколько угодно; а мы протремъ глаза твоимъ рублевикамъ! —

Тщетно Маша упрашивала мать, чтобъ она позволила ей открыть

отцу ихъ тайну. „Ты насильно отталкиваешь отъ себя счастіе“ отвѣчала Ивановна. „Погоди еще хотя дня два; — вѣрно скоро явится женихъ твой, и все пойдетъ на ладъ.“ — Дня два! повторила Маша; я не переживу и одной такой ночи, какова была прошедшая. — „Пустое“ сказала ей мать; „можетъ быть и сего дня все дѣло придетъ къ концу.“

Маша не знала, что дѣлать. Съ одной стороны, она чувствовала необходимость разсказать все отцу; съ другой — боялась разсердить мать, которая никогда бы ей этого не простила. Будучи въ крайнемъ недоумѣніи, на что рѣшиться, вышла она со двора и въ задумчивости бродила долго по самымъ уединеннымъ улицамъ Лаферповской части. Наконецъ, не придумавъ ничего, воротилась домой. Ивановна встрѣтила ее въ сѣняхъ. „Маша!“ сказала она ей—„скорѣй поди вверхъ

и пріодѣнься: ужъ болѣе часу сидитъ съ отцемъ женихъ твой и тебя ожидаетъ.“ У Маши сильно забилось сердце, и она пошла къ себѣ. Тутъ слезы ручьемъ полились изъ глазъ ея. Уліянъ предсталился ея воображенію въ томъ печальномъ видѣ, въ которомъ она видѣла его въ послѣдній разъ. Она забыла наряжаться. Наконецъ, строгій гогосъ матери прервалъ ея размышленіе. „Маша! долго ли тебѣ прихорашиваться?“ кричала Ивановна снизу. „Сойди сюда!“

Маша поспѣшила внизъ въ томъ же платьѣ, въ которомъ вошла въ свою свѣтлицу. Она отворила дверь и оцѣпенѣла! . . . На скамьѣ, подлѣ Онуфрича, сидѣлъ мужчина небольшаго росту, въ зеленомъ мундирномъ сертукѣ; — то самое лице устремило на нее взоръ, которое нѣкогда видѣла она у чернаго кота. Она остановилась въ дверяхъ и не могла идти далѣе. „Подойди по-

ближе“ сказалъ Онуфричь; „что съ тобою сдѣлалось?“—Батюшка! это бабушкинъ черной котъ —отвѣчала Маша, забывшись и указывая на гостя, который страннымъ образомъ повертывалъ головою и умильно на нее поглядывалъ, почти совсѣмъ зажмуривъ глаза. „Съ ума ты сошла!“ вскричалъ Онуфричь съ досадою. „Какой котъ? Это Г. Титулярный Совѣтникъ Аристархъ Фалелѣичь Мурлыкинъ, который дѣлаетъ тебѣ честь и проситъ твоей руки.“

При сихъ словахъ Аристархъ Фалелѣичь всталъ,—плавно выступая, приблизился къ ней и хотѣлъ поцѣловать у нея руку. Маша громко закричала и подалась назадъ. Онуфричь съ сердцемъ вскочилъ съ скамейки. „Что это значитъ?“ закричалъ онъ. „Эдакая ты неучтивая; точно деревенская дѣвка!“ . . Однакожъ Маша его не слушала. —Батюшка! — сказала она ему внѣ

себя — воля ваша! это бабушкинъ черный котъ! Велите ему скинуть перчатки; вы увидите, что у него есть когти. — Съ сими словами она вышла изъ комнаты и убѣжала въ свѣтлицу.

Аристархъ Фалелѣичь тихо что-то ворчалъ себѣ подъ носъ. Онуфричь и Ивановна были въ крайнемъ замѣшательствѣ; но Мурлыкинъ подошелъ къ нимъ, все также улыбаясь. „Это ничего, сударь,“ сказалъ онъ, сильно картавя; „ничего, сударыня, прошу не прогнѣваться! Завтра я опять приду; завтра дорогая невѣста лучше меня примешъ.“ Послѣ того онъ нѣсколько разъ имъ поклонился, съ пріятностію выгибая круглую свою спину и вышелъ вонъ. Маша смотрѣла изъ окна и видѣла, какъ Аристархъ Фалелѣичь сошелъ съ лѣстницы и тихо передвигая ноги, удалился; но дошедъ до конца дома, онъ вдругъ повернулъ за уголъ и пустился бѣжать, какъ

стрѣла. Большая сосѣдская собака, съ громкимъ лаемъ, во всю прыть кинулась за нимъ, однако не могла его догнать.

Ударило двѣнадцать часовъ; настало время обѣдать. Въ глубокомъ молчаніи всѣ трое сѣли за столъ, и никому не хотѣлось кушать. Ивановна, отъ времени до времени, сердито взглядывала на Машу, которая сидѣла съ потупленными глазами. Онуфричь тоже былъ задумчивъ. Въ концѣ обѣда принесли Онуфричу письмо; онъ распечаталъ — и на лицѣ его изобразилась радость. Потомъ онъ всталъ изъ за стола, поспѣшно надѣлъ новый сертукъ, взялъ въ руки шляпу и трость, и готовился идти со двора. „Куда ты идешь, Онуфричь?“ спросила Ивановна. — Я скоро ворочусь — отвѣчалъ онъ, и вышелъ.

Лишь только онъ затворилъ за собою дверь, какъ Ивановна начала

бранить Машу. „Негодная!“ сказала она ей — „такъ-то любишь и почитаешь ты мать свою? Такъ-то повинуешься ты родителямъ? Но я тебѣ говорю, что приму тебя въ руки! Только смѣй опять подурачиться, когда пожалуетъ къ намъ завтра Аристархъ Фалелѣичь!“ — Матушка! — отвѣчала Маша со слезами — я во всемъ рада слушаться, только не выдавайте меня за бабушкина кота! — „Какую дичь ты опять запорола?“ сказала Ивановна. „Стыдись, сударыня; всѣ знаютъ, что онъ Титулярный Совѣтникъ.“ — Можетъ быть и такъ, матушка — отвѣчала бѣдная Маша, горько рыдая; — но онъ котъ, право котъ! — Сколько ни бранила ее Ивановна, сколько ее ни уговаривала; но она все твердила, что никакъ не согласится выйти за мужъ за бабушкина кота; — и наконецъ, Ивановна въ сердцахъ выгнала ее изъ комнаты. Маша пошла въ свою

свѣтлицу и опять принялась горько плакать.

Спустя нѣсколько времени, она услышала, что отецъ ея воротился домой, и немного погодя, ее кликнули. Она сошла внизъ; Онуфричь взялъ ее за руку и обнялъ съ нѣжностію. „Маша!“ сказалъ онъ ей — „ты всегда была добрая дѣвушка и послушная дочь!“ Маша заплакала и поцѣловала у него руку. „Теперь ты можешь доказать намъ, что ты насъ любишь! Слушай меня со вниманіемъ. Ты, я думаю, помнишь о маркитантѣ, о которомъ я часто вамъ разсказывалъ и съ которымъ свелъ я такую дружбу во время Турецкой войны: онъ тогда былъ человѣкъ бѣдный, и я имѣлъ случай оказать ему важныя услуги. Мы принуждены были разстаться, и поклялись вѣчно помнить другъ друга. Съ того времени прошло болѣе тридцати лѣтъ, и я совершенно потерялъ его изъ

виду. Сегодня за обѣдомъ получилъ я отъ него письмо; онъ недавно пріѣхалъ въ Москву и узналъ, гдѣ я живу. Я поспѣшилъ къ нему; — ты можешь себѣ представить, какъ мы обрадовались другъ другу. Пріятель мой имѣлъ случай вступить въ подряды, разбогатѣлъ и теперь пріѣхалъ сюда жить на покоѣ. Узнавъ, что у меня есть дочь, онъ обрадовался; мы ударили по рукамъ, и я просваталъ тебя за его единственнаго сына. Старики не любятъ терять времени — и сегодня ввечеру они оба у насъ будутъ.“

Маша еще горьче заплакала; она вспомнила объ Уліянѣ. „Послушай, Маша!“ сказалъ Онуфричъ: „сегодня поутру сватался за тебя Мурлыкинъ; онъ человѣкъ богатый, котораго знаютъ всѣ въ здѣшнемъ околоткѣ. Ты за него выдти не захотѣла; и признаюсь, — хотя я очень знаю, что Титулярный Совѣтникъ не можетъ быть котомъ,

или коть Титулярнымъ Совѣтникомъ, — однако мнѣ самому онъ показался подозрительнымъ. Но сынъ пріятеля моего — человѣкъ молодой, хорошій, и ты не имѣешь никакой причины ему отказать. И такъ, вотъ тебѣ мое послѣднее слово: если не хочешь отдать руку свою тому, котораго я выбралъ; то готовся завтра поутру согласиться на предложеніе Аристарха Фалелѣича. . . . Поди и одумайся.“

Маша въ сильномъ огорченіи возвратилась въ свою свѣтлицу. Она давно рѣшилась, ни для чего въ свѣтѣ не выходить за Мурлыкина; но принадлежать другому, а не Уліяну — вотъ что показалось ей жестокимъ! Немного погодя, вошла къ ней Ивановна. „Милая Маша!“ сказала она ей: „послушайся моего совѣта. Все равно, выходить тебѣ за Мурлыкина или за маркитанта: откажи послѣднему и ступай за перваго. Отецъ хотя и говорилъ,

что маркитантъ богатъ; но вѣдь я отца твоего знаю! У него всякой богатъ, у кого сотня рублей за пазухой. Маша! подумай, сколько у насъ будетъ денегъ... а Мурлыкинъ, право, не противенъ. Хотя онъ уже не совсѣмъ молодъ, но за то какъ вѣжливъ, какъ ласковъ! Онъ будетъ тебя носить на рукахъ.“

Маша плакала, не отвѣчая ни слова; а Ивановна, думая, что она согласилась, вышла вонъ, дабы мужъ не замѣтилъ, что она ее уговаривала. Между тѣмъ Маша, скрѣпя сердце, рѣшилась принесть отцу на жертву любовь свою къ Уліяну. Постараюсь его забыть, сказала она сама себѣ: пускай батюшка будетъ счастливъ моимъ послушаніемъ. Я и такъ передъ нимъ виновата, что противъ его воли связалась съ бабушкой! —

Лишь только смерклось, Маша тихонько сошла съ лѣстницы — и

направила шаги прямо къ колодезю. Едва вступила она на дворъ, какъ вдругъ вихрь поднялся вокругъ нея, и казалось, будто земля колеблется подъ ея ногами... Толстая жаба съ отвратительнымъ крикомъ бросилась къ ней прямо на встрѣчу; но Маша перекрестилась и съ твердостію пошла впередъ. Подходя къ колодезю, послышался ей жалостный вопль, какъ будто выходящій съ самаго дна. Черный котъ печально сидѣлъ на срубѣ и мяукалъ унылымъ голосомъ. Маша отворотилась и подошла ближе; твердою рукою сняла она съ шеи снурокъ и съ нимъ ключь, полученный отъ бабушки. „Возьми назадъ свой подарокъ!“ — сказала она. „Ненадо мнѣ ни жениха твоего, ни денегъ твоихъ; возьми и оставь насъ въ покоѣ.“ Она бросила крючь прямо въ колодезь; черный котъ завизжалъ и кинулся тудаже; вода въ колодезѣ сильно закипѣла... Маша пошла домой.

Съ груди ея свалился тяжелый камень.

Подходя къ дому, Маша услышала незнакомый голосъ, разговаривающій съ ея отцемъ. Онуфричъ встрѣтилъ ее у дверей и взялъ за руку. „Вотъ дочь моя!“ сказалъ онъ, подводя ее къ почтенному старику съ сѣдою бородою, который сидѣлъ на лавкѣ. Маша поклонилась ему въ поясъ. — „Онуфричъ!“ сказалъ старикъ: „познакомь же ее съ женихомъ.“ Маша робко оглянулась — подлѣ нея стоялъ Уліянъ! Она закричала и упала въ его объятія...

Я не въ силахъ описать восхищенія обоихъ любовниковъ. Онуфричъ и старикъ узнали, что они уже давно познакомились — и радость ихъ удвоилась. Ивановна утѣшилась, узнавъ, что у будущаго сваша нѣсколько сотъ тысячъ чистыхъ денегъ въ Ломбардѣ. Улі-

янъ тоже удивился этому извѣстію; ибо онъ никогда не думалъ, чтобъ отецъ его былъ такъ богатъ. Недѣли чрезъ двѣ послѣ того ихъ обвѣнчали.

Въ день свадьбы, ввечеру, когда за ужиномъ въ домѣ Уліяна веселые гости пили за здоровье молодыхъ, вошелъ въ комнату извѣстный будочникъ и объявилъ Онуфричу, что въ самое то время, когда вѣнчали Машу, потолокъ въ Лафертовскомъ домѣ провалился и весь домъ разрушился. „Я и такъ не намѣренъ былъ долѣе въ немъ жить“ сказалъ Онуфричь. „Садись съ нами, мой прежній товарищъ; налей стаканъ Цимлянскаго и пожелай молодымъ счастія и — многія лѣта!“

„Эта повѣсть“ сказалъ Двойникъ „болѣе мнѣ нравится, чѣмъ Изидоръ и Анюта; напрасно однакожъ вы не прибавили развязки. Иной и въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что Машина бабушка была колдунья.“

— Для суевѣрныхъ людей развязокъ не напасешься — отвѣчалъ я. — Впрочемъ, кто непремѣнно желаетъ знать развязку моей повѣсти, тотъ пускай прочитаетъ Литературныя Новости 1825 года. Тамъ найдетъ онъ развязку, сочиненную почтеннымъ Издателемъ Инвалида, которую я для того не пересказалъ вамъ, что не хочу присвоивать чужаго добра. Да не ужъ-то вы не вѣрите гаданію на картахъ и на кофейной гущѣ? —

„Виноватъ, дражайшій Антоній; ни мало не вѣрю. Изъ любопытства я нарочно знакомился со всѣми ворожеями и ворожейками, которыхъ

только отыскать могъ, — и каждое новое такого рода знакомство болѣе и болѣе меня утверждало въ моемъ невѣріи. “

— Согласитесь однако, что иногда отгадываютъ будущее по картамъ! -

„Соглашаюсь, любезный другъ; но это ничего не доказываетъ. — Что мудренаго, если, часто гадая, что нибудь и отгадаешь? Самому записному вралю иногда случается сказать правду; но за то не перестаетъ онъ быть враломъ.“

— Но — прервалъ я Двойника — вамъ, вѣрно, не случалось встрѣчать настоящихъ ворожеекъ, а потому вы и не вѣрите гаданію. Что, на пр., скажете вы о Г-жѣ le Normand, которая, говорятъ, предсказала судьбу первой супругѣ Наполеона, Императрицѣ Іозефинѣ, тогда, когда Наполеонъ и не помышлялъ еще о разводѣ? —

„Я имѣлъ честь лично познакомиться съ Г-ю le Normand, въ бытность мою въ Парижѣ. Іозефина была еще въ свѣжей памяти у Парижанъ, и я точно помню, что носились слухи, будто бы le Normand ей предсказывала, что она умретъ на соломѣ. — Вы знаете, что пророчество это не сбылось. Между тѣмъ ворожея лѣтъ десять послѣ того воспользовалась давно забытыми слухами и напечатала, что она когда-то предсказывала Іозефинѣ участь, ее постигшую. . . Въ то время новыя и важнѣйшія произшествія занимали Французовъ и изгладили изъ памяти ихъ бѣдную Іозефину съ мнимымъ предсказаніемъ le Normand; и никто не счелъ за нужное противорѣчить ея хвастовству. — Что касается до меня, то познакомившись съ нею, я удостовѣрился въ томъ, въ чемъ и прежде не сомнѣвался, а именно: что она не что иное, какъ обыкновенная

шарлатанка. Я опишу вамъ въ подробности наше знакомство.

Въ одно утро я на площади Людовика XV взялъ фіакръ и приказалъ ему ѣхать къ le Normand. Жилище ея извѣстно всѣмъ извощикамъ въ Парижѣ, и потому фіакръ мой, не требуя дальнѣйшихъ объясненій, привезъ меня прямо къ ея кварширѣ. При входѣ въ переднюю, горничная встрѣтила меня съ таинственнымъ видомъ и спросила, что мнѣ угодно? Я отвѣчалъ, что желаю посовѣтоваться съ знаменитою ея Госпожею. „Покорнѣйше прошу подождать немного“ — сказала она, отворяя дверь въ гостиную; — „барыня теперь занята.“ Я вошелъ въ гостиную и подходя къ окну увидѣлъ, что горничная уже успѣла выбѣжать на улицу, и весьма прилѣжно разговариваетъ съ моимъ кучеромъ, который, вѣроятно, немогъ доставить ей никакихъ обо мнѣ свѣдѣній.

Меня заставили довольно долго дожидаться, и я отъ скуки принялся разсматривать комнату, въ которой находился. Она была убрана въ новѣйшемъ вкусѣ: на камелькѣ и столахъ бронзы, на стѣнахъ картины, а на окнахъ фарфоровые горшки съ цвѣтами. Прохаживаяся вдоль и поперегъ по комнатѣ, я замѣтилъ, что зеленая занавѣсь, которая закрывала стеклянную дверь, ведущую во внутренніе покои, отъ времени до времени шевелилась, и одинъ разъ мнѣ удалось на одно мгновеніе увидѣть два большіе черные глаза, которые, какъ я послѣ удостовѣрился, принадлежали самой волшебницѣ. Наконецъ таже горничная пришла мнѣ объявить, что Г-жа le Normand меня ожидаетъ. Отворили стеклянную дверь и я вступилъ въ храмъ Пиѳіи, которая присѣла передо мною новѣйшимъ манеромъ. Я увидѣлъ женщину лѣтъ за сорокъ, средняго роста, довольно дородную, съ больши-

ми черными глазами и такими же бровями. Горничная подала мнѣ стулъ и вышла вонъ.

На столѣ, среди комнаты, стояли небесные глобусы и лежали разные математическіе инструменты; а между ними набитыя чучелы: небольшой крокодилъ, ящерица и змѣя. По стѣнамъ развѣшаны были картины, представляющія разныя магическія фигуры. — Въ одномъ углу стоялъ человѣческій скелетъ, завѣшенный чернымъ флеромъ; въ другомъ замѣтилъ я на полкѣ три или четыре стеклянныя банки съ уродами въ спиртѣ. На просьбу мою, открыть мнѣ будущую судьбу, она отвѣчала вопросомъ: На какихъ картахъ я хочу, чтобъ она загадала, на большихъ или на маленькихъ? — „Какая между ними разница?“ спросилъ я. — Гаданіе на маленькихъ картахъ стоитъ пять франковъ, а на большихъ десять. — „Въ такомъ случаѣ про-

шу загадать на большихъ.“ Волшебница взяла колоду картъ, — которыя дѣйствительно были весьма большаго размѣра, съ странными изображеніями и магическими знаками, — помѣшала ихъ, пошептала надъ ними, также какъ и у насъ въ Россіи это дѣлается, и потомъ разложила ихъ на столѣ. Тутъ начала она разсказывать мнѣ многое, о которомъ могу объявить вамъ только, что ничего изъ сказаннаго со мною не сбылось.

Окончивъ гаданіе, волшебница встала, опять присѣла передо мною, и весьма милостиво приняла отъ меня десять франковъ. Потомъ спросила: Не хочу ли я, чтобъ она написала мой гороскопъ, въ которомъ означено будетъ все, что со мною должно случиться въ теченіе жизни? — „Очень хорошо“ отвѣчалъ я. — Какой гороскопъ прикажете, большой или маленькой? — „А какая между ними разница?“ — Боль-

шой стоитъ два луидора, а маленькой одинъ; но за то въ большомъ гораздо болѣе подробностей. — „Ну, такъ напишите мнѣ большой; я люблю подробности.“ — Дней чрезъ нѣсколько я заѣхалъ опять къ ней, получилъ подробный гороскопъ, и заплатилъ два луидора... Вотъ вамъ вѣрное и точное описаніе моего знакомства съ знаменитою Г-жею le Normand.

— А гороскопъ? — спросилъ я у Двойника.

„Гороскопъ, какъ гороскопъ“ отвѣчалъ онъ. „Въ немъ весьма подробно описано все, что должно было со мною случиться; но къ несчастію, волшебница на письмѣ также ошиблась, какъ на словахъ, т. е. ни одно изъ предсказаній ея не сбылось. Если вы собираете рукописи знаменитыхъ людей, то я готовъ подарить вамъ этотъ горо-

скопъ, который сначала до конца писанъ рукою Г-жи le Normand.“

— Покорно благодарю. Разскажите мнѣ лучше, отъ чего такъ часто встрѣчаются между умными и образованными людьми такіе, кои вѣрятъ гаданію, волшебству и колдовству? —

„Отъ того, любезный Антоній, что — какъ справедливо говорится пословица — на каждаго мудреца довольно простоты. Кстати припоминаю я теперь, что между многими другими родами ума и душевныхъ недостатковъ, непомѣщенными въ сдѣланномъ мною выше исчисленіи, забыто также *легковѣріе*, которое между тѣмъ очень часто играетъ не маловажную роль въ дѣяніяхъ людскихъ. Впрочемъ, правду сказать, нынѣшній свѣтъ скорѣе упрекать можно въ невѣріи, нежели въ легковѣріи. Въ древнія времена это было совсѣмъ напро-

тивъ. Геродотъ и Діодоръ Сицилійскій, Цицеронъ и Плиній, Юлій Кесарь и Юліанъ вѣрили волшебству, колдовству и привидѣніямъ. Извѣстнѣйшіе древніе Авторы, и между ними самъ Платонъ, говорятъ объ этихъ предметахъ, какъ о вещахъ весьма обыкновенныхъ. Въ средніе вѣки еще болѣе преданы были этому суевѣрію. Ужасъ меня беретъ всякій разъ, когда я читаю, сколько въ то время пострадало невинныхъ людей за мнимое волшебство, — сколько сожжено и казнено вѣдьмъ и колдуновъ! И это случалось не только въ Испаніи, которую привыкли мы обвинять за ея Инквизицію, но въ учтивой Франціи и въ важной Германіи, и тогда уже славившихся просвѣщеніемъ! Въ царствованіе Генриха IV, во Франціи, по приговорамъ Судовъ и Парламентовъ, сожжено множество колдуновъ, вѣдьмъ и оборотней. Въ 1628 году Дебордъ (Desbordes), камердинеръ Герцога Лотаринг-

скаго Карла IV, обвиненъ былъ въ колдовствѣ. Разсказываютъ, что Герцогъ возъимѣлъ на него подозрѣніе съ того времени, какъ камердинеръ сей, будучи съ нимъ на охотѣ, далъ ему и всей многочисленной компаніи великолѣпный пиръ, безъ малѣйшихъ къ тому приготовленій и не имѣя при себѣ ничего, кромѣ маленькаго ящичка, изъ котораго онъ бралъ все, что нужно было для пиршества. Въ тотъ же день Дебордъ приказалъ тремъ казненнымъ ворамъ, которыхъ трупы висѣли на висѣлицахъ, сойти съ оныхъ и потомъ опять возвратиться на прежнія мѣста. Въ другой разъ онъ велѣлъ, изображеннымъ на обояхъ лицамъ, отдѣлиться отъ стѣнъ и стать посреди комнаты. Бѣднаго Деборда судили формальнымъ порядкомъ и публично сожгли на кострѣ. — Преслѣдованія колдуновъ продолжались еще въ царствованіе Лудовика XIV и послѣ онаго. Въ Германіи также, и уже

послѣ того, какъ возникла Реформація, во время тридцати-лѣтней войны и даже долгое время послѣ оной, во всѣхъ концахъ, у Католиковъ и Люторанъ, публично жгли вѣдьмъ, — и число сихъ жертвъ самаго непростительнаго суевѣрія, теперь кажется намъ неимовѣрнымъ! Древніе не такъ жестоко поступали съ колдунами, хотя и у нихъ встрѣчаемъ мы примѣры людей, осужденныхъ на смерть за волшебство. Тацитъ разсказываетъ, что Тиберій обучался Магіи, и потомъ осудивъ на смерть всѣхъ волшебниковъ, вмѣстѣ съ ними велѣлъ умертвить и учителя своего Ѳрасивула. — Во времена Клавдія также казнили одного Римлянина за волшебство. Павзаінй говоритъ, что въ Аѳинахъ учреждено было особенное судилище для отысканія и наказанія волшебниковъ. Но примѣры смертныхъ казней у нихъ не такъ были часты, хотя суевѣріе это для нихъ, погруженныхъ во мракѣ

идолопоклонничества, извинительнѣе было, нежели для насъ. Признаюсь, что я имѣю нѣкоторое пристрастіе къ древнимъ; и потому, можетъ быть, повѣсти Римлянъ и Грековъ о вѣдьмахъ и привидѣніяхъ для меня несравненно занимательнѣе всего, что въ теперешнее время о томъ пишутъ и разсказываютъ. "

— Часто ли, спросилъ я у Двойника, въ ихъ твореніяхъ встрѣчаются подобные разсказы? —

„Весьма часто" отвѣчалъ онъ. „Въ то время вовсе не знали такъ называемыхъ крѣпкихъ умовъ (ésprits forts). Какъ подумаешь, любезный Антоній, какъ съ тѣхъ поръ свѣтъ перемѣнился! Тогда славнѣйшіе мудрецы боялись отвергать то, чего не понимали; а теперь — посмотрите на дѣтей, едва изъ школы вышедшихъ: они никому и ничему не вѣрятъ, — никого и ничего не

боятся; — а что касается до отвлеченныхъ предметовъ, такъ имъ море по колѣно! “

— Не вѣрьте этому, почтенный Двойникъ! не вѣрьте, пожалуйте! Бѣдныя дѣти принимаютъ только на себя видъ крѣпкихъ умовъ, между тѣмъ, какъ у нихъ совсѣмъ иное на душѣ. Виноваты не онѣ, а родители и воспитатели, которые не умѣютъ ни укрощать самолюбія ихъ, ни давать правильное направленіе неопытному и пылкому ихъ уму. Но я прервалъ начатой вами разговоръ о древнихъ. Весьма бы мнѣ пріятно было, если бъ вы разсказали какое нибудь древнее происшествіе о привидѣніяхъ или колдовствѣ. —

„Вы уже слышали отъ меня“ отвѣчалъ Двойникъ — „приключеніе двухъ Аркадянъ, о которомъ повѣствуетъ Цицеронъ. Оно почерпнуто имъ изъ Спевзиппа. Ту же самую исторію разсказываетъ Валерій Максимъ

съ небольшими отступленіями. Вообще сказать можно, что въ рѣдкомъ авторѣ не найдете вы чего либо касательно сего предмета. Геродотъ — кромѣ другихъ этаго рода анекдотовъ — разсказываетъ о привидѣніи, являвшемся два раза Ксерксу предъ войною Персовъ съ Греками. — Плутархъ, Аппіанъ и Флоръ упоминаютъ о явленіи, которое видѣлъ Брутъ. Плиній разсказываетъ даже, что къ одному изъ собственныхъ его невольниковъ неоднократно лазило привидѣніе въ окно, для того, чтобъ остричь ему волосы... Приключенія съ мертвецами, которые безпокоятъ живыхъ, потому, что кости ихъ не погребены, также очень часто у нихъ встрѣчаются. Тотъ же Плиній съ большими подробностями разсказываетъ случившееся съ Философомъ Аѳенодоромъ, который прибывъ въ Аѳины, нанялъ за весьма дешевую цѣну домъ, остававшійся долгое время безъ жильцовъ, по

той причинѣ, что въ полночь приходило туда привидѣніе, въ образѣ сухаго и угрюмаго старика въ цѣпяхъ, съ длинною бородою и всклоченными волосами. — Аѳенодоръ переѣхалъ жить въ тотъ домъ и узналъ отъ старика, что кости его зарыты на дворѣ. На другой день ихъ отрываютъ, погребаютъ торжественно — и съ того времени въ домѣ сдѣлалось спокойно.

„Если вы желаете имѣть свѣденія о тогдашнихъ вѣдьмахъ“ продолжалъ Двойникъ — „то можете оныя почерпнуть также изъ твореній древнихъ авторовъ. — Читали ль вы, золотаго осла Апулеева?

— Нѣтъ — отвѣчалъ я.

„Жаль,“ сказалъ Двойникъ: „эта книга весьма любопытна во многихъ отношеніяхъ. На Русскомъ языкѣ есть переводъ Кострова, напечатанный въ Москвѣ 1780 года.

Переводъ этотъ довольно хорошъ, но писанъ языкомъ грубымъ и нынѣ обветшалымъ. — Если когда нибудь вздумаютъ сдѣлать новое изданіе, то надобно будетъ, кромѣ исправленій касательно языка, выпустить нѣсколько неблагопристойныхъ сценъ и выраженій. — Въ Апулеѣ найдете вы, кромѣ любопытныхъ подробностей о жизни древнихъ, объ Элевзинскихъ таинствахъ и проч., множество страшныхъ исторій, которыя даже годились бы для балладъ. Если вамъ угодно, я разскажу изъ него повѣсть объ одномъ купцѣ, по имени Сократѣ, зарѣзанномъ вѣдьмою, которая запкнула потомъ рану его грецкою губкою. . . Бѣдный Сократъ не замѣтивъ этого, ходилъ еще нѣсколько часовъ и разговаривалъ съ своими товарищами. Наконецъ онъ почувствовалъ жажду, и лишь только выпилъ воды, какъ губка намокла, выпала изъ раны и онъ безъ дыханія упалъ на землю. . .

Я долженъ однако предварить васъ, что исторія эта ужасна!“

— Такъ лучше не разсказывайте — прервалъ я Двойника. Я не люблю ужасныхъ исторій. —

„Въ такомъ случаѣ разскажу вамъ другую повѣсть, тоже изъ Апулея. Телефронъ на пиршествѣ у Биррены повѣствуетъ слѣдующимъ образомъ: Въ молодости моей отправился я изъ Милета, чтобъ видѣть Олимпійскія игры, и осмотрѣть всѣ достопамятности славной вашей области. — Прошедъ всю Ѳессалію, прибылъ я, къ несчастію моему, въ городъ Лариссу, гдѣ бродилъ по улицамъ и старался сыскать себѣ пропитаніе, будучи весьма бѣденъ и не имѣя даже насущнаго хлѣба. — Нечаянно пришелъ я на площадь и увидѣлъ старика высокаго роста, которой стоялъ на камнѣ и громкимъ голосомъ кричалъ народу: „Если кто согласенъ

стеречь мертваго, тотъ пусть со мною торгуется о цѣнѣ.“ — Съ удивленіемъ спросилъ я у одного изъ проходящихъ, что это значитъ? Не уже ли, сказалъ я ему, въ странѣ вашей мертвецы уходятъ? „Молчи, молодой человѣкъ!“ отвѣчалъ онъ. „Ты видно иностранецъ и не помышляешь о томъ, что находишься среди Ѳессаліи, гдѣ волшебницы обыкновенно обезображиваютъ лице у мертвыхъ и уносятъ нѣкоторые части тѣла для своихъ чаръ!“ Слова эти еще болѣе возбудили мое любопытство и я опять спросилъ у него: Скажи, пожалуй, какимъ же образомъ у васъ стерегутъ мертвыхъ? — „Во первыхъ, отвѣчалъ онъ, должно цѣлую ночь стоять на карауле, не смыкая глазъ, и пристально смотрѣть на лежащій передъ тобою трупъ, ни подъ какимъ видомъ не оглядываясь ни на одну минуту; въ противномъ случаѣ эти проклятыя старухи, превра-

тившись въ какое нибудь животное, такъ искусно и проворно подкрадываются, что даже солнце не могло бы ихъ примѣтить. Онѣ обыкновенно принимаютъ на себя видъ собакъ, мышей, птицъ, а иногда даже мухъ; между тѣмъ, силою волшебства своего, стараются погрузить въ глубокій сонъ того, кто охраняетъ тѣло. Однимъ словомъ, невозможно описать всѣхъ хитрыхъ уловокъ, употребляемыхъ волшебницами для достиженія своей цѣли. . . Не смотря на то, за эту опасную должность рѣдко платятъ болѣе пяти или шести золотыхъ сташировъ. — Но я забылъ упомянуть еще объ одномъ важнѣйшемъ обстоятельствѣ, а именно: если обязавшійся стеречь тѣло, по утру не возвратитъ онаго въ совершенной цѣлости, то у него самаго насильно отрѣзываютъ тѣ части, которыя во время ночи украдены будутъ у мертваго.“

Узнавъ обо всемъ обстоятельно, я смѣло подошелъ къ старику и сказалъ ему рѣшительно: Полно тебѣ кричать; я готовъ стеречь твоего мертвеца,—скажи только, много ли я за то получу? — „Шесть золотыхъ статировъ“ отвѣчалъ онъ. „Но послушай, юноша! — не забывай, что тебѣ поручено будетъ стеречь сына такого человѣка, который въ цѣломъ городѣ считается изъ первыхъ, и потому непремѣнно ты долженъ охранить его отъ проклятыхъ Гарпій.“ — Экой вздоръ! отвѣчалъ я смѣясь; развѣ ты не видишь, что я человѣкъ неутомимый и неусыпный. Увѣряю тебя, что взоръ самаго Аргуса не быстрѣе моего. —

Старикъ не сказавъ на это ни слова, повелъ меня въ одинъ домъ, у котораго большія вороты были заперты. Мы взошли на дворъ чрезъ маленькія заднія дверцы, и онъ ввелъ меня въ темный покой, гдѣ всѣ ок-

на были закрыты. Тамъ увидѣлъ я женщину въ черномъ платьѣ, обливающуюся слезами. Къ ней подвелъ меня старикъ, сказавъ, что я берусь охранять тѣло ея мужа. Она откинула на обѣ стороны длинные волосы, закрывавшіе лице, которое, не смотря на печаль и смущеніе, показалось мнѣ прекраснымъ, посмотрѣла на меня пристально и сказала: Прошу тебя убѣдительно, старайся какъ можно тщательнѣе исполнить принятую тобою обязанность! — „Объ этомъ не безпокойтесь“ отвѣчалъ я: „обѣщайтесь только дать мнѣ еще сколько нибудь сверхъ договоренной цѣны.“ Она согласилась и немедленно повела меня въ другой покой, гдѣ лежало тѣло ея мужа, покрытое бѣлою пеленою. Открывъ его, она подозвала приглашленныхъ нарочно для сего свидѣтелей и показала имъ, что тѣло нисколько не повреждено: носъ на своемъ мѣстѣ, глаза не испорчены, уши и губы цѣлы и под-

бородокъ таковъ, какъ былъ прежде. Одинъ изъ свидѣтелей между тѣмъ записывалъ всѣ ея слова на таблицѣ, къ которой приложила она печать свою и удалилась.

„Милостивая Государыня!“ закричалъ я въ слѣдъ за нею. „Прикажите дать мнѣ все нужное!“ — А что тебѣ надобно? — былъ ея отвѣтъ. „Мнѣ нужна“ сказалъ я — „во первыхъ, большая лампада, съ достаточнымъ количествомъ масла на всю ночь; потомъ, нѣсколько кружекъ вина и что нибудь изъ кушанья, оставшагося отъ ужина.“ — Какъ тебѣ не стыдно! — прервала она меня съ досадою. Ты требуешь остатковъ отъ ужина въ такомъ домѣ, гдѣ съ отчаянія уже нѣсколько дней о кушаньѣ и не помышляли. Или ты думаешь, что тебя сюда на пиръ позвали? Пристойнѣе бы тебѣ плакать и горевать вмѣстѣ съ нами. — Потомъ подозвавъ служанку, — Мирrена! — сказала она ей: подай сюда топ-

часъ лампаду съ масломъ.— Послѣ того заперли меня съ мертвымъ тѣломъ, и удалились въ другую часть дома.

Оставшись одинъ для охраненія покойника, я хорошенько протеръ себѣ глаза, чтобъ приготовиться къ новой своей должности, и отъ скуки началъ пѣть, прохаживаясь по комнатѣ. Между тѣмъ день склонился къ вечеру, настала ночь, и повсюду водворилось глубокое молчаніе. — Наконецъ, когда наступила полночь, вдругъ объялъ меня страхъ и ужасъ! Я увидѣлъ маленькаго звѣрька, подобнаго куницѣ, который вбѣжавъ въ комнату, сталъ прямо противъ меня и такъ пристально вперилъ на меня острые глаза свои, что дерзость этой маленькой твари привела меня въ смущеніе. „Убирайся отсель, мерзкая тварь!“ закричалъ я—„убирайся въ свою нору, пока не ушибу тебя!“ Звѣрокъ тотчасъ убѣжалъ и скрылся отъ моихъ взоровъ. По-

томъ вдругъ объялъ меня такой сильный и непреодолимый сонъ..."—

Тутъ вспомнилъ я обѣщаніе, данное нами другъ другу, и хотя противъ желанія, прервалъ Двойника. — „Повѣсть ваша весьма любопытна, сказалъ я — „и мнѣ бы очень хотѣлось знать, что происходило послѣ того, какъ Телефронъ заснулъ; но мы обѣщались взаимно напоминать другъ другу, какъ скоро заговоримъ о подобныхъ предметахъ, и я долженъ исполнить свое обѣщаніе. Прошу васъ однако, на этотъ только разъ, сдѣлать исключеніе изъ правила."

— Нѣтъ, любезный Антоній! отвѣчалъ Двойникъ. — Вы знаете Русскую пословицу: не давши слова крѣпись, а давши держись; и потому никакъ на то не могу согласиться. А чтобъ вы болѣе меня не просили, я теперь же вамъ откланяюсь. . . Прощайте! —

ВЕЧЕРЪ ШЕСТОЙ.

„Сегодня“ началъ Двойникъ при свиданіи нашемъ въ слѣдующій вечеръ — „разкажу я вамъ истинное приключеніе, случившееся съ однимъ Москвичемъ, моимъ пріятелемъ. Я тогда же написалъ оное съ собственныхъ его словъ. Вотъ оно:

Путешествіе въ Дилижансъ.

Однажды вечеромъ, въ дружеской бесѣдѣ, разговоръ зашелъ объ учрежденныхъ по Петербургскому тракту дилижансахъ. Нѣкоторые изъ пріятелей моихъ, собственнымъ опытомъ дознавшіе пользу и выгоды этого учрежденія, хвалили оное; а

молодой Р., котораго пламенная привязанность ко всему Русскому иногда доводитъ до несправедливыхъ сужденій, утверждалъ, что дилижансы наши гораздо превосходнѣе тѣхъ, какіе существуютъ въ чужихъ краяхъ. „Кареты — говорилъ онъ — несравненно покойнѣе, проводники учтивѣе. Главное же преимущество нашихъ дилижансовъ предъ иностранными состоитъ въ скорой ѣздѣ. Если дорога изрядная, то путешествіе отъ Москвы до Петербурга не продолжается болѣе трехъ сутокъ; и вы согласитесь со мною, что такая скорость въ чужихъ краяхъ, особливо въ Германіи, показалась бы невѣроятною. Можетъ ли быть“ — продолжалъ онъ — „что нибудь скучнѣе и утомительнѣе Нѣмецкихъ дилижансовъ? Вообразите себѣ огромную повозку, запряженную высокими, длинными, тучными аргамаками, которые отъ рожденія своего никогда не бѣгали даже ма-

ленькою рысью. — Нѣтъ! я однажды только испыталъ такое путешествіе, да и то не радъ былъ жизни. Сидя въ огромномъ этомъ ящикѣ, едва едва подвигающемся впередъ, я воображалъ, что нахожусь въ лазаретной фурѣ. . . Въ самомъ дѣлѣ, молчаливые мои спутники походили на больныхъ, которыхъ везутъ въ гошпиталь, и одно только разно-голосное ихъ храпѣнье, когда они спали, свидѣтельствовало о томъ, что я ѣду не съ покойниками. "

— Полно, братецъ! — прервалъ я молодаго Р. — Qui dit trop, ne dit rien. Я не ѣзжалъ въ Русскихъ дилижансахъ, но иностранные довольно мнѣ извѣстны. Правда, что они двигаются немного медленно, но медленность эта вознаграждается такими выгодами, которыя едвали можно найти въ Россіи. —

„А чѣмъ бы именно?" спросилъ Р.

— Пріятнымъ обществомъ, весьма нерѣдко встрѣчаемымъ въ иностранныхъ дилижансахъ — отвѣчалъ я. Мнѣ неоднократно случалось путешествовать въ Германіи, и скажу безпристрастно, что не проходило ни одного раза, чтобъ не познакомился я съ какимъ нибудь человѣкомъ, занимательнымъ по уму, просвѣщенію, или по крайней мѣрѣ по оригинальности. Иногда встрѣчались и такія знакомства, которыхъ пріятное впечатлѣніе и теперь, по прошествіи десяти слишкомъ лѣтъ, не изгладилось еще изъ моей памяти. —

„Скажи лучше, изъ твоего сердца“ подхватилъ Р. . . „Мнѣ очень извѣстно романическое твое воображеніе и страсть вездѣ искать оригиналовъ; а такимъ тебѣ кажется даже тотъ, у кого кафтанъ необыкновеннаго покроя, или криво застегнутъ. Длинная коса, или

запачканный табакомъ камзолъ достаточны, въ твоихъ глазахъ, для того, чтобы поставить человѣка на степень оригинала, — и я нимало не сомнѣваюсь, что такихъ оригиналовъ ты находилъ въ Германіи много. Если же, въ добавокъ, случай привелъ сидѣть тебѣ напротивъ или подлѣ какой нибудь круглоликой Нѣмочки, то не удивительно, что путешествія въ Германіи оставили пріятное въ тебѣ впечатлѣніе.“

Всѣ засмѣялись; — я закраснѣлся, посмотрѣлъ на часы, — и мы разошлись, не рѣшивъ задачи: какіе дилижансы лучше, наши или иностранные?

На другой день обыкновенная утренняя моя прогулка нечаянно довела меня до Мясницкой. Проходя мимо конторы дилижансовъ, я увидѣлъ карету, готовую отправиться въ путь. — Не знаю,

вчерашній ли разговоръ побудилъ меня обратить особенное на нее вниманіе, или по другой какой причинѣ, — довольно, что я очутился въ конторѣ, съ твердымъ намѣреніемъ ѣхать въ Петербургъ.— „Много ли пассажировъ?“ спросилъ я у управляющаго? — Въ дилижансѣ занято одно только мѣсто — отвѣчалъ онъ; да врядъ ли и будетъ болѣе, потому, что чрезъ часъ онъ долженъ отправиться, а никто не является. —

Извѣстіе, что дилижансъ пустъ, почти отбило у меня охоту къ путешествію; но самъ не знаю, почему, я вдругъ рѣшился записать свое имя и поспѣшилъ домой, чтобъ приготовиться къ отъѣзду. Не прошло еще часу, какъ я уже опять находился на Мясницкой. — Сопутникъ мой, закутанный въ большомъ плащѣ, ожидалъ минуты отправленія; мы сѣли въ карету, ямщикъ ударилъ по ло-

шадямъ, — и вотъ мы уже на пути къ Петербургу.

Вы вѣрно ожидаете, что дорогою приключилось со мною что нибудь необыкновенное, достойное моего повѣствованія, а вашего любопытства? Если такъ, то вы въ совершенномъ заблужденіи. Мы доѣхали до столицы Сѣвера безъ малѣйшаго приключенія; лошади вездѣ были готовы, дорога была прекрасная, ничего въ экипажѣ не ломалось,—однимъ словомъ, я удостовѣрился, что дилижансы наши если не лучше, то по крайней мѣрѣ не хуже иностранныхъ. — Но если и не встрѣтилось со мною никакого происшествія, выходящаго изъ обыкновеннаго порядка, то въ замѣну сего, знакомство съ моимъ товарищемъ и разсказы его показались мнѣ столь занимательными и необыкновенными, что по пріѣздѣ въ Петербургъ, я немедленно

написалъ въ подробности все слышанное мною.

Садясь въ дилижансъ, я быстрымъ взоромъ окинулъ моего спутника. Онъ показался мнѣ человѣкомъ лѣтъ пятидесяти. Широкій плащъ, которымъ онъ былъ закутанъ, препятствовалъ мнѣ разсмотрѣть всѣ черты лица его; но пламенные черные глаза являли душу пылкую и твердую, а густые навислые брови и глубокія морщины на высокомъ челѣ показывали мужа, испытаннаго горестями и несчастіями. Мнѣ не нужно, кажется, упоминать, что при первомъ взглядѣ на незнакомаго, родилось во мнѣ сильное желаніе съ нимъ сблизиться. — На привѣтствіе мое онъ отвѣчалъ съ учтивостію, въ которой однако замѣтно было отвращеніе, вступать со мною въ разговоръ, и мы, сказавъ другъ другу нѣсколько словъ, оба замолчали. — По произношенію его

я тотчасъ отгадалъ, что незнакомецъ мой не Русской. Онъ прижался къ одному углу, а я къ другому, и такимъ образомъ проѣхали мы первую станцію въ совершенномъ безмолвіи. Отъ времени до времени я посматривалъ на него съ боку. Одинъ разъ незнакомецъ вынувъ изъ кармана платокъ, раскрылъ немного плащъ, и я замѣтилъ у него въ петлицѣ знаки Св. Лудовика и почетнаго Легіона. — Безъ сомнѣнія, Французъ! подумалъ я, и по прибытіи въ Черную Грязь, поспѣшилъ выйти изъ кареты и спросить у проводника объ имени моего спутника. Проводникъ подалъ мнѣ подорожный листъ и я прочиталъ: „Отставной Французской службы Полковникъ Фанъ-деръ-К. . .“ Вотъ все, что могъ я узнать о товарищѣ моемъ въ продолженіе перваго дня.

Настала ночь и проводникъ велѣлъ остановиться, чтобъ зажечь

фонари. Фанъ-деръ-К. . . вдругъ обратился ко мнѣ; на лицѣ его изображалось безпокойство. — „Милостивый Государь!“ сказалъ онъ: „позвольте мнѣ спросить, не будетъ ли вамъ противно, если фонари останутся не зажженными?“

Вопросъ этотъ немного удивилъ меня, но я отвѣчалъ ему на Французскомъ языкѣ: — Ни мало не противно, Государь мой; для меня все равно. —

„Мнѣ весьма пріятно, что вы говорите по-Французски“ сказалъ Полковникъ: „я свободнѣе могу объясниться съ вами. Вы такъ снисходительны, что я осмѣливаюсь еще просить васъ, чтобы вы сами приказали проводнику не зажигать фонарей. Онъ васъ, вѣрно, охотнѣе послушается.“

Я тотчасъ исполнилъ его желаніе; не смотря однако на настоя-

тельныя мои просьбы, проводникъ никакъ не согласился. „Я долженъ оберегать экипажъ и пассажировъ“ былъ его отвѣтъ. „Ночь темная и если случится какое несчастіе, то мнѣ бѣда будетъ.“

Сопутникъ мой, по видимому, слушалъ разговоръ нашъ съ возрастающимъ безпокойствомъ. Замѣтивъ наконецъ, что всѣ старанія напрасны, онъ тяжело вздохнулъ и сказалъ печальнымъ голосомъ: „Чувствительно благодарю васъ за приняшый трудъ; вижу, что дѣлать нечего!“ Пожелавъ мнѣ покойнаго сна, онъ опять прижался въ уголъ.

Сколь ни показалась мнѣ странною просьба о незажиганіи фонарей, но я не могъ никакъ рѣшиться спросить о причинѣ оной. Въ лицѣ Полковника, въ словахъ его и во всей его наружности заключалось что-то таинственное, чего проникнуть я никакими догадками не

могъ, но что сильно увеличило желаніе мое познакомиться съ нимъ короче. При слабомъ свѣтѣ фонарей, я видѣлъ, что товарищъ мой сильно былъ встревоженъ. Я слышалъ, что тяжелые вздохи вырывались изъ его груди; меня самаго объяло уныніе. — Не много погодя, онъ привсталъ и оборотился ко мнѣ. Мнѣ показалось, что онъ всматривается, сплю ли я? и я закрылъ глаза. Онъ вынулъ карманные часы, — они пробили двѣнадцать. „Боже мой!“ сказалъ онъ въ полголоса: „какая страшная ночь!“ Притворившись спящимъ, я наблюдалъ за нимъ цѣлую ночь: онъ провелъ ее въ непрестанномъ безпокойствѣ; передъ разсвѣтомъ онъ успокоился и заснулъ. Тщетно старался я послѣдовать его примѣру; не смотря на усталость мою, сонъ убѣгалъ меня упорно.

Тверская мостовая разбудила моего товарища. Онъ пристально

взглянулъ на меня. — „Вы почти не спали прошлую ночь“ сказалъ я ему. „Вы, конечно, не здоровы?“

— Нездоровъ? отвѣчалъ онъ. Дай Богъ, чтобы я былъ нездоровъ! По несчастію, ничто меня не беретъ; здоровье у меня желѣзное!.. Государь мой! — продолжалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи, замѣтивъ мое удивленіе — поступки мои должны казаться вамъ странными, и если я васъ обезпокоилъ, то надѣюсь, что вы меня простите. Это совершенно было противъ моей воли. Я очень знаю, что общество мое должно для васъ и для каждаго быть тягостнымъ, — и потому я никакъ бы не рѣшился ѣхать въ дилижансѣ, если бъ не полагалъ навѣрное, что буду одинъ. Въ конторѣ мнѣ сказали, что мѣста ни кѣмъ не заняты; увидѣвъ васъ, я подумалъ, что вы, можетъ быть, займете которое нибудь изъ наружныхъ мѣстъ; а когда вы сѣли

со мною въ карету, то поздно уже было воротиться. —

Я началъ было увѣрять его, что онъ напрасно считаетъ сообщество свое для меня непріятнымъ; но онъ прервалъ меня на первыхъ словахъ. — Убѣдительно прошу васъ оставить комплименты — сказалъ онъ. Я знаю самаго себя. Если достанетъ у васъ терпѣнія выслушать меня до конца, то вы, надѣюсь, обо мнѣ пожалѣете. . . Мы другъ съ другомъ незнакомы; внутренній голосъ говоритъ мнѣ однако, что вы добрый человѣкъ и примете во мнѣ участіе. Довѣренность моя къ вамъ самаго меня удивляетъ; я никому на свѣтѣ совершенно не открывался. Но видно такъ угодно судьбѣ. —

„Полковникъ!“ вскричалъ я, съ жаромъ схвативъ его руку. „Не сомнѣвайтесь въ томъ, что довѣренность ваша относиться будетъ къ

человѣку, умѣющему ее цѣнить; и если въ чемъ нибудь я могу вамъ быть полезнымъ, то за особенное почту счастіе.“ . .

— Я увѣренъ въ вашей искренности — отвѣчалъ Полковникъ; но никакая человѣческая сила не въ состояніи помочь моему горю. Повремените немного,— вы все узнаете! Если не ошибаюсь, мы здѣсь должны перемѣнить лошадей. Разсказъ мой будетъ длиненъ, и чтобъ намъ не помѣшали, я начну его, какъ скоро опять пустимся въ дорогу. —

Читатель легко себѣ можетъ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ минуты, которая должна была сблизить меня съ человѣкомъ, возбудившимъ во мнѣ живѣйшее участіе, не смотря на недавнее знакомство наше.

Лишь только экипажъ нашъ подвинулся опять впередъ, товарищъ

мой началъ свое повѣствованіе. — Вы видите предъ собою, сказалъ онъ — человѣка, который безспорно назвать себя можетъ несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ. Но вы удивитесь, когда я скажу вамъ, что несчастіе мое происходитъ отъ обезьяны! —

„Отъ обезьяны?“ вскричалъ я съ изумленіемъ. Вы, конечно, шутите!“

— Отъ обезьяны — повторилъ Полковникъ съ тяжелымъ вздохомъ: отъ обезьяны, которой судьба тѣсно сопряжена съ моею. . . Увы! сколько уже прошло тому лѣтъ, какъ шутки не приходятъ мнѣ на умъ! Выслушайте меня, и странность эта объяснится:

Я родился на островѣ Борнео. Отецъ мой, прослужившій лучшую часть жизни Республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, взялъ наконецъ отставку и рѣшился послѣдніе свои

дни провесть въ Борнео, гдѣ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ женился. Я былъ младшій изъ дѣтей и отъ роду имѣлъ не болѣе нѣсколькихъ недѣль, когда отецъ мой, оставя службу, поселился въ небольшомъ помѣстьѣ. Домъ нашъ съ одной стороны имѣлъ видъ на море, а съ другой прилегалъ къ густому лѣсу, простирающемуся до неизвѣстныхъ странъ, лежащихъ посреди Борнео. — И понынѣ еще ни одинъ Европеецъ не проникалъ въ тѣ мѣста. Подвигъ этотъ предоставленъ, можетъ быть, будущимъ вѣкамъ; но до сего времени не удавалось никому преодолѣть препятствія, повсюду встрѣчающія смѣльчаковъ, которые отваживаются углубиться въ непроходимые лѣса сего острова. На каждомъ шагу бездонныя пропасти и ревущіе потоки останавливаютъ путешественника. Дикіе звѣри грозятъ ему смертію со всѣхъ сторонъ, — и во мракѣ непроница-

емыхъ лѣсовъ каждый шагъ можетъ пробудить ядовитыхъ змѣй, скрывающихся въ густой, высокой травѣ. Однимъ словомъ, многократныя покушенія Правительства побѣдить препятствія, которыми природа оградила внутренность острова, до сего времени не имѣли инаго послѣдствія, кромѣ погибели большаго числа людей.

Но ужаснѣйшіе и люшѣйшіе враги Европейцевъ, отваживающихся на отчаянное это предпріятіе, суть большаго рода обезьяны, которыми наполнены дремучіе лѣса острова. Животныя эти — въ совершенную противоположность прочимъ звѣрямъ, которые болѣе или менѣе боятся человѣка — нападаютъ на людей, не страшась даже огнестрѣльнаго оружія. Одаренныя неимовѣрнымъ инстинктомъ, они нападенія свои производятъ какъ будто по обдуманному плану. Самыя сильныя изъ нихъ, вооружив-

шись толстыми дубинами, составляютъ главную линію атаки, между тѣмъ, какъ безчисленное множество прочихъ со всѣхъ сторонъ бросаютъ въ непріятелей камнями, и такъ мѣтко, что ни одинъ не пролетаетъ даромъ. Иногда обезьяны, скрывшись въ самыхъ дальнихъ вѣтвяхъ необозримой вышины деревъ, допускаютъ пройти мимо своего убѣжища, потомъ съ быстротою стрѣлы опускаются на землю, вскакиваютъ на плечи, острыми когтями выдираютъ глаза и грызутъ голову.

Вотъ, любезнѣйшій другъ, каковы обезьяны въ моемъ отечествѣ! Всѣ природные жители острова и большая часть простолюдиновъ изъ Европейцевъ твердо увѣрены, что обезьяны эти суть особенный родъ дикихъ людей, одаренныхъ умомъ; и въ этомъ мнѣніи они тѣмъ болѣе утверждаются, что животныя сіи, столь люты про-

тивъ взрослыхъ мужчинъ, оказываютъ особенную привязанность къ женщинамъ и дѣтямъ, которыхъ рѣдко убиваютъ, но стараются увлекать съ собою во глубину непроходимыхъ лѣсовъ своихъ. Многіе, и весьма ученые, испытатели природы послѣднее это обстоятельство сначала поставляли въ числѣ басенъ, но теперь никто не сомнѣвается въ справедливости онаго, и я самъ, по несчастію, могу служить неопровергаемымъ тому доказательствомъ. —

Полковникъ Фанъ-деръ К. . . замолчалъ; печальныя воспоминанія, казалось, сильно волновали его душу; наконецъ онъ ободрился и продолжалъ: — Я сказывалъ вамъ, что мнѣ было не болѣе нѣсколькихъ недѣль, когда отецъ мой поселился въ помѣстьѣ своемъ. — Первые четыре года жизни моей не оставили никакого впечатлѣнія въ моей памяти, и отъ того

единственно я могу назвать ихъ счастливыми; ибо всѣ безъ исключенія воспоминанія мои, какъ острые ножи, раздираютъ мое сердце. Мнѣ минуло четыре года. — Въ одно утро, когда я игралъ недалеко отъ родительскаго дому подъ присмотромъ няньки, — толпа обезьянъ незапно показалась изъ лѣсу и насъ окружила. На жалостный вопль устрашенной няни моей, служители бросились къ намъ, но уже поздно! Хищники увлекли насъ далеко въ лѣсъ, и вскорѣ крикъ служителей совершенно потерялся изъ моего слуха. Участь няни моей осталась въ неизвѣстности. Я не могу вспомнить ни времени, ни обстоятельствъ разлуки нашей. Сей первый періодъ въ жизни моей покрытъ для меня туманомъ, и мнѣ только представляется, какъ давно видѣнный сонъ, — что похитители мои съ удивительною скоростію бѣжали со мною. Обезьяна, державшая ме-

ня въ лапахъ, вѣроятно, всячески старалась меня беречь; ибо когда, вскорѣ потомъ, вся толпа остановилась на лужайкѣ, окруженной густымъ лѣсомъ, меня, ничѣмъ неповрежденнаго, посадили на мягкую траву. — Помнится мнѣ, что животныя эти подняли громкій визгъ и крикъ и что, при появленіи одной большой обезьяны, всѣ утихли. — Обезьяна эта взяла меня въ лапы и унесла съ собою.

Не знаю, что происходило со мною въ первые дни моего похищенія. Воспоминанія мои сливаются въ живыя и ясныя картины около того только времени, когда я уже совсѣмъ привыкъ къ новому образу жизни. Память моя представляетъ мнѣ пространную и покойную пещеру, гдѣ я жилъ съ обезьяною. Набросанный въ углу мягкій мохъ составлялъ для насъ покойное ложе, и воспитательни-

ца моя холила и лелѣяла меня съ чрезвычайною нѣжностію.

Не знаю, будутъ ли вамъ понятны чувства, поселившіяся тогда въ душѣ моей. . . Не покажется ли вамъ страннымъ, если я вамъ признаюсь, что за нѣжность воспитательницы моей я платилъ взаимною любовію? что на ласки ея отвѣчалъ я ласками? Не забудьте, что мнѣ не болѣе было четырехъ лѣтъ, и что въ этомъ нѣжномъ возрастѣ, едва развивающаяся душа не имѣетъ еще той разборчивости, которая въ послѣдствіи столь рѣзко отличаетъ насъ отъ прочихъ животныхъ. — Посмотрите со вниманіемъ на дитя, котораго вскармливаютъ рожкомъ: вы замѣтите, что оно нѣжность свою обращаетъ къ этому бездушному предмету, — и тогда вамъ менѣе покажется удивительнымъ привязанность моя къ тва-

ри, одаренной нѣкоторымъ умомъ.

Я провелъ болѣе четырехъ лѣтъ въ этомъ положеніи. Вскорѣ научился я съ легкостію лазить на самыя гладкія и высокія пальмы, сбивать камнями плоды съ деревъ, прыгать чрезъ рвы, — однимъ словомъ, въ прогулкахъ нашихъ я рѣдко отставалъ отъ воспитательницы моей, которая любовалась моими успѣхами. Она не препятствовала мнѣ отлучаться изъ пещеры одному, радовалась, когда я возвращался домой и награждала меня нѣжными ласками, когда приносилъ я добычу, состоявшую въ кокосовыхъ орѣхахъ, бананахъ и другихъ плодахъ. Странно, что другія обезьяны, встрѣчавшіяся со мною, никогда не причиняли мнѣ нималѣйшаго вреда; — казалось, что дикій народъ этотъ, такъ сказать, усыновилъ меня изъ уваженія къ моей воспитательницѣ.

Я совершенно забылъ говорить; воспитательницу мою, не знаю самъ почему, я прозвалъ Тушу, — и она знала свое имя. Это былъ единственный звукъ, уподобляющійся человѣческому языку. — Впрочемъ, я во всемъ подражалъ моей воспитательницѣ: я визжалъ и пищалъ, какъ она. Во все время пребыванія моего съ нею, родительскій домъ вовсе не приходилъ мнѣ на умъ; я былъ счастливъ. Туша моя ни на одну минуту не измѣнялась въ привязанности своей ко мнѣ; — я не понималъ языка ея, но нѣжныя ласки и горячая ко мнѣ любовь ея, понятны были сердцу младенца! . . Не помню въ ней ни капризовъ, ни другихъ признаковъ дурнаго или избалованнаго нрава. Скажу болѣе: въ продолженіе цѣлой жизни моей, я мало встрѣчалъ женщинъ такого кроткаго и добраго характера, такой не принужденной любезности и ни чѣмъ не-

поколебимой веселости. — Увы! нравственныя совершенства этой доброй твари усугубляютъ ужасную вину, которая до конца бѣдственной жизни моей, а можетъ быть и долѣе, будетъ тяготить мою душу! . .

Въ одно утро, по обыкновенію, я отправился за добычею. Все, что въ этотъ роковой день со мною приключилось, со всѣми подробностями, навсегда впечатлѣлось въ моей памяти. Когда я пробѣжалъ довольно большое пространство, изощренный навыкомъ взоръ мой открылъ на самой вершинѣ высокой пальмы птичье гнѣздо. Увидѣть оное и взлѣсть на дерево, было дѣло одного мгновенія Но какъ изобразить вамъ удивленіе, меня поразившее при видѣ, открывшемся предо мною! Глазамъ моимъ представилось море во всемъ своемъ величіи. Необыкновенное это зрѣлище съ перваго взгляда поглотило

все мое вниманіе. Я забылъ о птичьемъ гнѣздѣ. . . Темныя и для меня еще непоняшныя картины тѣснились въ умѣ моемъ. — Нечаянно обратилъ я взоръ немного въ сторону, и новый предметъ съ быстротою молніи зажегъ въ душѣ моей лучь воспоминанія о прежнемъ бытіи. — Это былъ родительскій домъ! Какая-то непобѣдимая сила заставила меня слѣзть съ дерева и повлекла ближе, ближе къ незнакомому предмету. . . Вышедъ изъ лѣса и подошедъ къ дому, я увидѣлъ дѣтей, сидящихъ передъ онымъ и занимающихся невинными играми Я остановился въ недальнемъ отъ нихъ разстояніи; они меня не замѣчали. Наконецъ я подошелъ еще ближе; — жалостный вопль вырвался изъ груди моей, и я невольно протянулъ къ нимъ руки. „Маминька, маминька!“ вскричала вдругъ младшая сестра моя, дѣвочка лѣтъ семи. „Подите скорѣй сюда; посмотрите, посмотрите!. .“

Голосъ человѣческій, голосъ сестры моей, слово: маминька! разбудили въ спящей душѣ моей давно забытыя чувства; но я не могъ еще понять оныхъ. Добрая мать моя, на крикъ дѣтей, къ намъ вышла, и увидѣвъ меня предъ ними съ распростертыми руками — „Милосердый Богъ!“ . . вскричала она: „это Фрицъ!“ и бросилась ко мнѣ! Въ одно мгновеніе окружили меня братья, сестры, отецъ, мать, служители. — Матушка крѣпко прижала меня къ сердцу; но я не умѣлъ отвѣчать на ея ласки. Разсказы родителей, въ послѣдствіи времени, дополнили въ памяти моей понятіе о томъ, что со мною происходило; но тогда я не понималъ ничего. . . я стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ вкопанный, какъ бездушный. Темныя воспоминанія о прежнемъ существованіи боролись во мнѣ съ привычкою къ дикой жизни, съ привязанностію къ воспитательницѣ моей. Неизъяс-

кимая горесть, соединенная съ невольнымъ страхомъ, вдругъ стѣснила мое сердце. — Слабая искра давнихъ вспоминаній, едва только во мнѣ взгорѣвшаяся, потухла отъ сильнаго написка дикихъ чувствованій, къ которымъ привыкъ я въ лѣсу. „Тупу, Тупу!“ вскричалъ я, вырвался изъ объятій матери и больно укусилъ ее въ руку. . . Съ трудомъ меня схватили, связали мнѣ руки и ноги и отнесли въ домъ, гдѣ чрезъ нѣсколько времени я успокоился.

Новое перерожденіе мое въ человѣка совершалось хотя постепенно, но довольно быстро. Въ первую недѣлю я уже началъ понимать слова родственниковъ моихъ; вскорѣ послѣ того я самъ по немногу началъ объясняться и тѣмъ несказанно обрадовалъ матушку, которая, по заботливой своей ко мнѣ нѣжности, опасалась, что я навсегда лишился способности говорить.

По прошествіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, по возвращеніи моемъ въ родительскій домъ, не осталось во мнѣ никакихъ слѣдовъ дикости, кромѣ необыкновенной въ лѣтахъ моихъ силы, проворства и ловкости.

Долговременное пребываніе мое въ лѣсу не имѣло вреднаго вліянія даже на умственныя мои способности. Казалось, что судьба желала вознаградить съ лихвою потерянное время; ибо успѣхи мои въ ученіи такъ были велики и быстры, что вскорѣ я далеко превзошелъ всѣхъ дѣтей одного со мною возраста. — При всемъ томъ, въ глубинѣ сердца моего сохранялась сильная привязанность къ дикой воспитательницѣ моей; но я до сего времени не понимаю, по какому тайному побужденію я всегда старался скрыть чувство это отъ моихъ родителей? Можетъ быть, это происходило отъ того, что родители

мои при всякомъ случаѣ показывали сильнѣйшую ненависть къ обезьянамъ. Несчастныя эти твари внушаютъ такой ужасъ всѣмъ вообще жителямъ острова Борнео, что убіеніе одной изъ нихъ считается благополучнымъ происшествіемъ. Какъ часто младенческій умъ мой тревожимъ былъ мыслію, что добрая моя Туту огорчается моимъ отсутствіемъ и ищетъ меня повсюду: въ любимыхъ дуплахъ нашихъ, въ пещерахъ и ямахъ, которыя часто были свидѣтелями взаимной нашей привязанности! Я ужасался, помышляя, что въ поискахъ своихъ она можетъ приблизиться къ жилищу нашему; что жестокая пуля пронзитъ вѣрное сердце ея, и что я увижу неодушевленный трупъ ея, съ торжествомъ влекомый къ намъ въ домъ. . . Воображенію моему представлялось, что, въ глазахъ моихъ, благодѣтельницу мою — вторую мою мать — терзаютъ безжалостно

и окровавленные члены ея бросаютъ на съѣденіе голоднымъ собакамъ. . . Въ эти минуты отчаяніе сжимало юное мое сердце; я дѣлался молчаливъ и не способенъ къ ученію и любимыя мои игрушки не въ состояніи были меня развеселить! Мнѣ слышался знакомый голосъ любезной моей Тупу; мнѣ казалось, что она манитъ меня къ себѣ — и я почти готовъ былъ возвратиться въ лѣсъ.

Прошло около трехъ лѣтъ послѣ возвращенія моего къ родителямъ. Въ одинъ вечеръ все семейство наше, собравшись на прелестный лугъ передъ домомъ, наслаждалось благораствореннымъ воздухомъ. Передъ нами, не болѣе какъ въ четверть версты, разстилался лѣсъ, какъ густая зеленая занавѣсъ. — Вдругъ пронзительный крикъ раздался къ намъ изъ лѣсу. . . Я вздрогнулъ; сердце мое узнало голосъ бѣдной Тупу. — „Что это за крикъ?“ спросила матушка. — „Съ нѣкото-

рыхъ поръ“ — отвѣчалъ мой родитель — „проклятыя обезьяны опять являются около дому нашего. Но я взялъ свои мѣры: у насъ всегда въ готовности заряженныя ружья!“

Я ужаснулся, — морозъ подиралъ меня по кожѣ, — волосы стали дыбомъ. . . Я бы радъ былъ пожертвовать жизнію, чтобы только предостеречь мою воспитательницу; но за мною строго присматривали. Приблизиться къ лѣсу мнѣ не было никакой возможности; а если бъ и удалось обмануть бдительный надзоръ всѣхъ домашнихъ, то какъ бы я могъ объяснить ей опасность, которой она подвергалась? Отчаянье овладѣло мною при мысли о моемъ безсиліи, и я горько заплакалъ! — Отецъ мой взглянулъ на меня внимательно, шепнулъ что-то машушкѣ на ухо . . . меня отвели домой и уложили спать. Кровать моя стояла подлѣ самаго окна; — я слышалъ, какъ спусти-

ли съ цѣпи собаку, — какъ слуги ходили около дому и бренчали ружьями. Подъ самымъ окномъ моимъ одинъ изъ нихъ остановился, — стукъ шомпола и щелканье курка раздались въ ушахъ моихъ. По мнѣ выступилъ холодный потъ. . . Съ расперзаннымъ сердцемъ я сложилъ руки и цѣлую ночь молился о спасеніи бѣдной моей Тушу.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней не переставали стеречь обезьяну. Не могу описать вамъ мучительнаго положенія, въ которомъ я находился. Я долженъ былъ скрывать свои чувствованія; — никто бы ихъ не понялъ; всѣ съ ужасомъ и омерзѣніемъ говорили о предметѣ, наполнявшемъ мое сердце. Наконецъ родители мои, по видимому, перестали опасаться; ночной караулъ не такъ уже сталъ строгъ и потомъ вовсе прекратился.

Однако я долго не могъ успокоиться; мысль, что несчастная вос-

питательница моя будетъ поймана или убита, безпрестанно меня тревожила, — и всякой разъ, когда я ложился спать, я прислушивался съ трепетомъ, не услышу ли знакомаго голоса. Въ одну ночь показалось мнѣ, что кто-то тихо царапается въ окно; я привсталъ съ постели и при свѣтѣ луны узналъ мою воспитательницу. Какъ изобразить, что я почувствовалъ? . . Радость ее видѣть, опасеніе, чтобъ ее непоймали, поперемѣнно волновали мою душу. — Тихонько отворилъ я окно, она протянула ко мнѣ лапу; съ жаромъ схватилъ я ее и прижалъ къ груди. Нѣжныя ласки напомнили мнѣ счастливую и беззаботную жизнь, которую проводилъ я въ лѣсу. — Въ сердцѣ моемъ, какъ дальній отголосокъ, отозвалось желаніе возвратиться въ пещеру; но любовь моя къ родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ одержала верхъ надъ этимъ желаніемъ. Мнѣ тогда уже было один-

надцать лѣтъ; я начиналъ понимать свое достоинство и не смотря на привязанность мою къ бѣдной Туту, я чувствовалъ различіе, существующее между человѣкомъ и обезьяною. Осыпавъ ее ласками, я старался объяснить ей знаками, чтобъ она удалилась. Она какъ будто поняла меня, — съ быстротою стрѣлы побѣжала прочь и вскорѣ скрылась изъ моихъ глазъ.

Съ этого времени добрая Туту каждую ночь посѣщала меня, и долго свиданія наши происходили безъ малѣйшаго препятствія. Обыкновенно, я ожидалъ ея прибытія; проницательный взоръ мой еще издали узнавалъ ее, не смотря на темноту ночь, и я заблаговременно отворялъ окно. Иногда сонъ преодолѣвалъ меня; — тогда Туту легонько отворяла окошко, котораго никогда я не запиралъ задвижкою, протягивала ко мнѣ лапу и осторожно меня будила. Увы! серд-

це мое не предчувствовало ужаснаго происшествія,-долженствовавшаго прекратить наши свиданія!

Въ одинъ вечеръ я много рѣзвился съ братьями и сестрами и отъ усталости крѣпко заснулъ, лишь только легъ въ постель. Говорятъ, что сны предвѣщаютъ намъ будущее и что душа наша, такъ сказать, отдѣляясь отъ тѣла, имѣетъ способность открывать намъ то, что на яву отъ насъ бываетъ скрыто. — Можетъ быть, это справедливо; но я, по крайней мѣрѣ въ тотъ день не испыталъ прозорливости души моей. Еще понынѣ живо помню тогдашній мой сонъ. Мнѣ снилось, будто я играю съ братьями и сестрами и будто Туту участвуетъ въ нашихъ играхъ. Мнѣ представилось, что никто изъ родныхъ моихъ не чувствуетъ къ ней той ненависти, которая столько ужасала меня наяву; напротивъ того всѣ ласкали бѣд-

ную Тушу, и душа моя плавала въ восхищеніи. — Упоенный столь сладостнымъ зрѣлищемъ, я бросился въ объятія батюшки и со слезами благодарилъ его за оказываемую любовь. . . Вдругъ страшный крикъ раздался въ ушахъ моихъ; я проснулся и вскочилъ съ постели! Предо мною стоялъ батюшка; ярость изображалась во всѣхъ его чертахъ; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ зажженный фонарь, въ правой обнаженную саблю. Въ дали слышалъ я жалостный вопль, который постепенно становился слабѣе и слабѣе. . . я узналъ голосъ бѣдной моей Тушу! — Съ трепетомъ взглянулъ я на батюшку. „Мнѣ не удалось убить проклятую обезьяну“ сказалъ онъ; — „надѣюсь однако, что впредь она не будетъ тревожить твоего сна.“

Матушка вошла въ комнату. —Что это значитъ? вскричала она: одѣяло Фрица въ крови! — Она

бросилась ко мнѣ. — „Это ничего“ отвѣчалъ батюшка. „Проходя мимо его комнаты, мнѣ послышалось, что кто-то отворяетъ окно; я выглянулъ изъ дверей и, при свѣтѣ луны, увидѣлъ большую обезьяну, стоящую у Фрицова окна. — Я побѣжалъ къ себѣ, взялъ саблю и фонарь и, къ счастію, успѣлъ возвратиться въ самую ту минуту, какъ обезьяна, отворивъ окно, протягивала лапу къ Фрицу. . . Изъ всѣхъ силъ ударилъ я саблею, и отрубленная лапа отлетѣла прочь, а обезьяна скрылась въ лѣсъ. Думаю, что у нея пройдетъ охота посѣщать Фрица!“

Долго не могъ я опомниться и не понималъ, что со мною дѣлалось; — разсказъ батюшкинъ все объяснилъ. . . Съ ужасомъ взглянулъ я на одѣяло — отрубленная лапа бѣдной Туту лежала у ногъ моихъ. . . Я пришелъ въ исступленіе! Батюшка концемъ сабли

поднялъ лапу и бросилъ ее въ открытое окно.

Не помню, что со мною далѣе происходило; думаю, что я упалъ въ обморокъ. . .

На другой день батюшка и матушка всячески старались разогнать грусть, меня терзавшую, — но я не отвѣчалъ на ихъ ласки. Въ сердцѣ моемъ возродилось какое то чувство, которое какъ-бы отталкивало меня отъ нихъ. Мнѣ кажется, что я уже не такъ нѣжно любилъ отца моего. . . Я не могъ не видѣть въ немъ гонителя доброй моей Тупу, которую я привыкъ почитать своею благодѣтельницею! Ввечеру я вышелъ на крыльцо; воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ стѣсняло мое сердце, — я хотѣлъ подышать чистымъ воздухомъ. На лугу передъ домомъ большая дворная собака наша играла съ какимъ-то предметомъ, котораго

различить я не могъ. Самъ не понимаю, почему пришло мнѣ въ голову закричать: *апортъ*! и собака, пріученная къ повиновенію, тотчасъ принесла ко мнѣ въ зубахъ — обгложенную лапу бѣдной моей Тупу... я узналъ ее, и безъ чувствъ упалъ на землю.

Печальное это происшествіе сдѣлало глубокое впечатлѣніе на нравъ мой; я пересталъ быть ребенкомъ, дѣтскія игры нимало меня не забавляли. Я учился хорошо; но когда, въ часы отдохновенія, братья и сестры мои предавались веселости, свойственной ихъ лѣтамъ, я сидѣлъ одинъ въ задумчивости, и всѣ стараніе родителей моихъ меня разсѣять были тщетны. О бѣдной моей Тупу я не имѣлъ никакого извѣстія и не зналъ, пережила ли она послѣднее наше свиданіе.

Такимъ образомъ протекло нѣсколько годовъ. Сестры мои вышли

замужъ, братья вступили въ службу. Мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ, когда отецъ мой скончался; матушка вскорѣ за нимъ послѣдовала и я остался одинъ — одинъ съ своею тоскою. . . Я убѣгалъ знакомства съ сосѣдями; во всей окружности меня знали подъ именемъ молчаливаго Фрица. — Время мое дѣлилось между чтеніемъ и обработываніемъ сада моего. Иногда я ходилъ гулять и всегда одинъ; на плечѣ у меня висѣло ружье, но единственно потому, что на островѣ Борнео всѣ жители такимъ образомъ вооружены. Впрочемъ въ этихъ уединенныхъ прогулкахъ никогда мнѣ не случалось употреблять свое оружіе. Часто я углублялся въ лѣсъ, но и тамъ бродилъ въ совершенной безопасности. Казалось, будто между мною и страшными для прочихъ жителей обезьянами заключенъ былъ тайный союзъ, который препятствовалъ имъ нападать на меня.

Однажды я сѣлъ отдохнуть подъ высокое кокосовое дерево. Мнѣ послышался шорохъ, происходящій на самой вершинѣ. Я поднялъ голову и увидѣлъ большую обезьяну, медленно спускающуюся ко мнѣ. Зрѣлище это, которое всякаго другаго привело бы въ ужасъ, нимало меня не обезпокоило. Я пристальнѣе сталъ всматриваться, — сердце мое сильно билось. . . Я замѣтилъ, что у обезьяны не доставало одной лапы, и всѣ сомнѣнія мои исчезли: это была Тупу! Бѣдная тварь меня узнала; она бросилась ко мнѣ, визжала, прыгала и всячески старалась изъявить свою радость. Я отвѣчалъ на ея ласки и не могъ удержать слезъ, видя ее изувѣченною и вспомнивъ, что привязанность ко мнѣ была причиною ея несчастія. —

Полковникъ немного помолчалъ, и печально взглянулъ на меня. Замѣтивъ, что я растроганъ его

разсказомъ, онъ пожалъ мнѣ руку и продолжалъ: — Я увѣренъ, что вы не осудите меня, если я вамъ признаюсь, что встрѣчу эту я считалъ величайшимъ для себя благомъ. Лишенный родителей, разлученный съ родственниками, не имѣя ни друзей, ни знакомыхъ, могъ ли я быть равнодушнымъ къ этому доброму животному, которое за меня такъ жестоко пострадало и, не смотря на то, любило меня съ прежнею горячностію?

Всякой день ходилъ я въ лѣсъ для свиданія съ бѣдною Тутою: я видѣлъ въ ней единственное существо, принимающее во мнѣ участіе, и привязанность моя къ ней день отъ дня увеличивалась. — Но теперь я приближаюсь къ такой эпохѣ жизни моей, которой воспоминаніе раздираетъ мое сердце. . . дайте мнѣ время собраться съ духомъ. — — —

Глубокая печаль выражалась въ мужественныхъ чертахъ Полковника; я самъ чрезвычайно былъ тронутъ. — Разсказъ спутника моего перенесъ воображеніе мое какъ будто въ новый міръ, въ которомъ все являлось мнѣ въ странномъ и необыкновенномъ видѣ. При всемъ томъ, взаимная другъ къ другу привязанность Полковника и Тупу, для меня была понятна. — Я вспомнилъ, какъ часто случалось мнѣ видѣть, до какой степени можетъ простираться въ человѣкѣ страсть къ лошадямъ, собакамъ, кошкамъ и другимъ животнымъ! И страсть эта, иногда поглощающая священныя чувства родства и дружбы, обыкновенно не основана на тѣхъ побудительныхъ причинахъ, которыя привязанность Фанъ-деръ К. . . къ обезьянѣ содѣлывали достойною уваженія. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я продолженія; но Полковникъ весь тотъ день провелъ въ унылой задумчи-

вости; которую прервать не имѣлъ я духу. — Эта ночь еще была безпокойнѣе первой. Я наблюдалъ за нимъ со вниманіемъ; мнѣ казалось, что онъ видитъ предъ собою какой нибудь предметъ, его ужасающій. Онъ что-то говорилъ въ полголоса; — я не могъ различить словъ его, но мнѣ слышалось неоднократно имя его воспитательницы — бѣдной Тутy.

На другой день товарищъ мой продолжалъ разсказъ свой такимъ образомъ:

Сколь искренно ни любилъ я добрую Тутy, сколь ни казалось для меня утѣшительною привязанность единственнаго существа въ мірѣ, которое принимало во мнѣ участіе; однако она не могла удовлетворить вполнѣ требованій души моей. — Я достигъ уже шѣхъ лѣтъ, когда сердце юноши начинаетъ биться инымъ противъ прежня-

го размѣромъ; — когда воркованье горлицы и страстная пѣснь соловья для него становятся понятными; — когда журчанье водъ, шорохъ листьевъ, аромать цвѣтовъ говорятъ ему языкомъ таинственнымъ и вмѣстѣ съ сладкою тоскою вливаютъ новую, еще неразгаданную жизнь въ алчущую грудь его. И во мнѣ возродились чувства, дотолѣ неизвѣстныя, и волненія одинокаго сердца моего повлекли меня къ людямъ, которыхъ прежде убѣгалъ я упорно! . .

На островѣ Борнео, 20-го Февраля, въ день Льва Катанскаго, празднуютъ ежегодно собираніе плодовъ, которые въ это время бываютъ обильнѣе, нежели въ прочія времена года. Въ этотъ день большая часть жителей собирается на берегу моря, на пространномъ лугу, усѣянномъ шѣнистыми деревьями. Съ самаго восхожденія солнца молодые люди обоего пола

въ прохладной сѣни занимаются разными играми, или при звукѣ музыки кружатся въ веселыхъ пляскахъ. Старики и старухи, сидя на мягкой муравѣ, смотрятъ на веселую безпечность дѣтей своихъ, съ удовольствіемъ воспоминая о прошекшей молодости. — Настаетъ время обѣда, и общество раздѣляется на разныя группы. Богатые, разноцвѣтные ковры разстилаются по зеленой нивѣ, и заботливыя хозяйки разставливаютъ привезенные съ собою съѣстные припасы.

Молодые люди посѣщаютъ разсѣянные по всему лугу семейственные круги, и вездѣ ихъ принимаютъ съ непринужденнымъ гостепріимствомъ. — Со всѣхъ сторонъ слышны радостныя пѣсни. Весь тотъ день посвященъ веселости, и вы не увидите ни одного печальнаго лица. — У кого грусть на сердцѣ, тотъ или забываетъ ее на время, или остается дома. Ког-

да солнце начнетъ склоняться къ западу, и вечерняя прохлада разстилается по воздуху; тогда всѣ собираются въ полукругъ; — посреди онаго возвышается высокій гладкій шестъ, на вершинѣ котораго блеститъ вызолоченный деревянный орелъ съ распростертыми крыльями.

Пылкіе юноши, побуждаемые нетерпѣливымъ желаніемъ отличиться, на перерывъ стараются показать свое искуство передъ зрителями, и изъ самопаловъ бросаютъ въ орла тупыя стрѣлы. Вскорѣ орелъ разлетается на части; голова, крылья, ноги, хвостъ упадаютъ на землю и на шестѣ остается крѣпко утвержденное туловище птицы. Тутъ начинаются другаго рода игры. Должно съ одного пріема взлѣсть на гладкій и зыбкій шестъ, снять съ вершины остатокъ орла и съ нимъ спуститься на землю. Дѣйствіе это

требуетъ особенной ловкости и силы, и рѣдко кому удается. Побѣдитель изъ рукъ прекрасной дѣвушки, при радостномъ крикѣ зрителей, получаетъ вѣнокъ, сплетенный изъ цвѣтовъ и сопровождаемый поцѣлуемъ.

Настало 20-е число Февраля. Съ утра мнѣ не приходило въ голову участвовать въ общемъ праздникѣ. По обыкновенію моему я бродилъ по лѣсу, стараясь разогнать грусть, меня терзавшую. Нечаянно приблизился я къ лугу. . . Издали слышанъ былъ громкій крикъ и радостныя пѣсни веселящагося народа; во мнѣ родилась мысль идти далѣе. Долго желаніе это боролось съ робостію; наконецъ я рѣшился подойти ближе и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ одной веселой группы. Мнѣ показалось, что приходъ мой изумилъ всѣхъ; — начали пошептывать между собою, и я хотѣлъ было возвра-

титься назадъ въ лѣсъ, — какъ вдругъ одна дама, не молодыхъ уже лѣтъ, отдѣлилась отъ другихъ и подошла ко мнѣ. „Это вы, Фрицъ?“ сказала она, взявъ меня за руку, и я узналъ въ ней пріятельницу дома нашего, которая при жизни матушки, часто у насъ бывала и знала меня въ малолѣтствѣ. Воспоминаніе о доброй моей матери, которая такъ нѣжно насъ всѣхъ любила, и чувство теперешняго моего сиротства и одиночества, меня чрезвычайно растрогали. — Слезы навернулись на глазахъ моихъ; я поцѣловалъ у нея руку и не въ силахъ былъ противиться приглашенію, занять мѣсто въ веселомъ кругу ея семейства. Всѣ приняли меня съ непринужденною учтивостію; — дѣвицы привѣтствовали новаго гостя съ ласковымъ добросердечіемъ; между ними была младшая дочь хозяйки, прелестная Амалія. . . Ахъ, другъ мой! за чѣмъ жестокая судьба въ тотъ день,

противъ воли, привела меня въ кругъ людей, которыхъ до того времени избѣгалъ я по какому-то унылому предчувствію! За чѣмъ взоры мои, при первой встрѣчѣ съ Амаліей, невольно искали ея взоровъ? За чѣмъ голосъ ея, и только одинъ ея голосъ, при первомъ пораженіи слуха моего, привелъ мое сердце въ трепетъ и наполнилъ его неизъяснимымъ чувствомъ сладостной грусти? —

Я сѣлъ подлѣ нея. . . Мой другъ! вы имѣете чувствительное сердце; вы, вѣрно, любили! Увольте меня отъ описанія того робкаго недоумѣнія, той сладостной надежды и страстнаго восхищенія, которыя поперемѣнно наполняли и волновали мою душу! Я мало говорилъ съ Амаліей, но мы скоро поняли другъ друга. . . .

Начались обыкновенныя игры. Всѣ собрались въ пространный по-

лукругъ около шеста. Амаліи назначено было вручить вѣнокъ счастливому побѣдителю. Молодые люди, вооруженные самопалами, съ примѣтнымъ рвеніемъ спѣшили окружить шестъ. Я горѣлъ нетерпѣніемъ присоединиться къ нимъ; робость меня удерживала. Одинъ разъ я схватилъ самопалъ, но руки мои задрожали, и я принужденъ былъ отдать его другому. Вскорѣ орелъ разлетѣлся на куски. На вершинѣ шеста осталось одно туловище. . . Счастливецъ, которому удастся его снять, долженъ получить изъ рукъ Амаліи вѣнокъ, сопровождаемый поцѣлуемъ! — Я въ первый разъ видѣлъ Амалію; но кто, кромѣ меня, могъ имѣть право на этотъ вѣнокъ — на этотъ поцѣлуй? Я твердо рѣшился лѣзть на шестъ, — но ноги мои прикованы были къ землѣ. Я внутренно рвался съ досады на самого себя,— но не въ силахъ былъ преодолѣть свою робость. Между тѣмъ моло-

дой человѣкъ, прекрасный собою, приближается; онъ скидаетъ съ себя кафтанъ, бросаетъ страстный взглядъ на Амалію — и смѣло обѣими руками хватается за шестъ. И я взглянулъ на Амалію — и задрожалъ отъ ревности. . . Я посмотрѣлъ опять на шестъ; молодой человѣкъ поднимался къ верху. . . Голова моя закружилась, я блѣднѣлъ и краснѣлъ попеременно. . . Вотъ ужъ онъ приблизился къ самой вершинѣ; онъ протягиваетъ руку, дотрогивается до орла. . . Глаза мои зажмились, я не могъ смотрѣть долѣе . . . я ничего не видѣлъ. — Вдругъ раздался крикъ зрителей. Поднимаю глаза. . . соперникъ мой не могъ удержаться на верху, и быстро скользилъ къ землѣ. . . Орелъ еще былъ на шестѣ. — Опять я взглянулъ на Амалію и она глядѣла на меня, улыбаясь. Улыбка эта меня оживила; — я спрашился, чтобъ кто нибудь другой меня не предупре-

дилъ. Одно мгновеніе — и я стою у шеста; еще одинъ взглядъ на Амалію — и я поднимаюсь къ верху. . . Чрезъ нѣсколько секундъ достигъ я вершины, снялъ орла и спустился съ нимъ внизъ. — Тутъ встрѣтили меня рукоплесканія зрителей; но они едва касались слуха моего и не доходили до сердца: оно занято было однимъ только чувствомъ. . . предощущеніемъ поцѣлуя Амаліи! — Я бросился къ ея ногамъ; она упала въ мои объятія, — мы оба забыли о вѣнкѣ. . .

Съ этого роковаго вечера началась совершенно новая для меня жизнь. На другое утро рано я былъ уже въ домѣ Амаліи: меня приняли ласково, какъ стариннаго друга, какъ близкаго родственника. Не прошло еще двухъ недѣль, какъ я сдѣлался женихомъ Амаліи; свадьбѣ нашей назначено быть чрезъ два мѣсяца.

Дни протекшаго счастія! Вы, какъ молнія, пролетѣли мимо меня и въ быстромъ полетѣ своемъ навсегда истребили спокойствіе моей души! . . За чѣмъ не разрушили вы и памяти моей? за чѣмъ не увлекли съ собою воспоминанія, что я нѣкогда былъ счастливъ? . . .

Мой другъ! я дѣйствительно тогда былъ счастливъ. Весь день проводилъ я съ Амаліею, кромѣ нѣсколькихъ минутъ по восхожденіи солнца, посвящаемыхъ той, которая, послѣ Амаліи, для меня всего дороже была въ мірѣ. — Вы отгадаете, что я говорю о бѣдной Тутту. Всякое утро ходилъ я въ лѣсъ; всякое утро Тутту меня тамъ встрѣчала. Казалось, что она меня еще болѣе любила съ тѣхъ поръ, какъ я, познакомившись съ Амаліею, не такъ долго, какъ прежде, оставался съ нею. Одна мысль меня тревожила, — одного только не доставало къ совершенному моему благополучію:

Амалія не знала связи моей съ Тупу, и я не могъ рѣшиться ей о томъ сказать.

Я имѣлъ случай замѣтить, что и она питала такую же ненависть, такое же отвращеніе къ большимъ обезьянамъ, какъ прочіе жители острова Борнео. Однако я ласкалъ себя надеждою, что любовь ея ко мнѣ преодолѣетъ это предубѣжденіе, и при первомъ удобномъ случаѣ намѣренъ былъ поговорить съ нею.

Однажды, когда пришелъ я къ Амаліи, мнѣ показалось, что она не такъ ласково меня приняла, какъ обыкновенно. — Не зная, чему приписать это, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда мы будемъ одни. Она, казалось, и сама того желала, ибо вскорѣ потомъ пошла въ садъ, куда и я за нею послѣдовалъ. Лишь только мы вошли въ уединенную аллею, Амалія обраще-

лась ко мнѣ. „Фрицъ!“ сказала она; „мы недавно знакомы другъ съ другомъ, но я люблю васъ нѣжно, — вы это знаете! Скоро настанетъ день, въ который священный обрядъ долженъ соединить насъ неразрывными узами. Теперь еще время одуматься, — тогда будетъ поздно. . .“

— Что вы говорите, Амалія? прервалъ я ее съ жаромъ. — Что съ вами сдѣлалось? —

„Выслушайте меня спокойно“ отвѣчала она. — „Мы дали слово принадлежать другъ другу; но я скорѣй соглашусь отъ васъ отказаться, нежели быть виною вашего несчастія. . . Дайте мнѣ договорить, Фрицъ! Я знаю, что вы любите другую. . .“

У меня не стало терпѣнія ее выслушать. — Амалія! — вскричалъ я — любезная Амалія! Я васъ не

понимаю. Кто могъ внушить вамъ такое гнусное мнѣніе обо мнѣ? Какъ! я люблю другую? . . —

„Неоткровенность эта“ сказала Амалія со слезами „почти обиднѣе для меня, нежели невѣрность ваша. — Не думайте обманывать меня долѣе; я докажу вамъ, что мнѣ извѣстно все. . . Я знала, что вы всякое утро одни ходите въ лѣсъ, и любопытство побудило меня стараться узнать, какіл вы къ тому имѣете причины. Сего дня, еще до свѣта, я уже была близь дома вашего; солнце взошло и я увидѣла, какъ вы приближались къ лѣсу, — какъ оглядывались на всѣ стороны, опасаясь, чтобъ васъ кто нибудь не примѣтилъ; — я слѣдовала за вами и спряталась за дерево. Ахъ, Фрицъ! я увидѣла, что вы съ нетерпѣніемъ кого-то ожидали; на лицѣ вашемъ написано было безпокойство. . . Я дрожала, какъ листъ, отъ страха и отъ мучительной неизвѣстности. . .

Наконецъ вы увидѣли кого-то въ дали, и печаль ваша превратилась въ восхищеніе. „Вотъ она!“ вскричали вы громко, бросились далѣе въ лѣсъ и скрылись изъ глазъ моихъ. . . Слово: *она* — открыло мнѣ тайну вашу, Фрицъ!... Вы меня обманули!“

— Милая, любезная Амалія! — вскричалъ я и упалъ къ ея ногамъ. Теперь настала минута совершенно открыть вамъ мое сердце; но не вините меня въ невѣрности! Вы все узнаете. . . Та, съ которою имѣлъ я сего дня свиданіе, которую посѣщаю всякое утро въ лѣсу, не женщина! —

„Что вы говорите, Фрицъ? Возможно ли?“

— Точно такъ, любезная Амалія! Выслушайте меня съ терпѣніемъ; давно желалъ я открыть вамъ эту тайну. —

Мой другъ! мы сѣли на дерновую скамью, и я разсказалъ Амаліи происшествія жизни моей съ того времени, какъ обезьяны меня похитили и утащили въ лѣсъ. — Я старался описать ей живѣйшими красками всѣ добрыя качества Тушу, чтобъ возбудить въ ней участіе къ бѣдной этой твари. Я не могъ удержаться отъ слезъ, когда говорилъ о томъ, какъ она пострадала за привязанность свою ко мнѣ; наконецъ я разсказалъ, какъ послѣ долговременной разлуки, мы опять увидѣлись, — какъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Тушу была единственнымъ предметомъ, наполнявшимъ мое сердце. — О Амалія! сказалъ я, кончивъ мой разсказъ: вы добры и чувствительны; вы не пожелаете, чтобъ я заплатилъ гнусною неблагодарностію за оказанныя мнѣ благодѣянія и любовь; вы не будете препятствовать моимъ свиданіямъ съ Тушу, а можетъ быть, со временемъ, я столько буду счасти-

ливъ, что вы согласитесь ее видѣть. Нѣжная, добрая Туту достойна любви вашей. —

„Нѣтъ!“ вскричала Амалія, съ ужасомъ вскочивъ съ скамейки. „Нѣтъ, Фрицъ! это уже слишкомъ много. Видѣть вашу Туту? . . Я думаю, я умерла бы отъстраха. — Фрицъ!“ — продолжала она, замѣтивъ мое смущеніе — „разсказъ вашъ такъ меня поразилъ, что я не знаю, что вамъ отвѣчать. Дайте мнѣ опомниться; — я должна собраться съ мыслями, съ духомъ. . . Прошу васъ, оставьте меня сего дня одну. Завтра мы будемъ продолжать разговоръ нашъ. Я, право, думаю, что я нездорова, — мнѣ надобно отдохнуть.“

Я не могъ выговорить ни слова; поцѣловалъ у нея руку и тихими шагами пошелъ домой. — Мой другъ! это былъ послѣдній поцѣлуй, послѣднее свиданіе мое съ Амаліею. . .

Нѣсколько часовъ спустя послѣ того, мнѣ принесли записку отъ Амаліи. Записка эта — я долженъ признаться — дышала любовію; но между тѣмъ Амалія требовала, — рѣшительно требовала, чтобъ я совсѣмъ отказался отъ Тутy... Она описывала мнѣ ужасъ и омерзѣніе, которые съ малыхъ лѣтъ ей внушены были къ этимъ обезьянамъ. „Никогда“ — говорила она — „никогда, Фрицъ, я не буду въ силахъ равнодушно смотрѣть на эту связь. Всякой разъ, когда ты отъ меня удалишься, я буду думать, что ты спѣшишь къ Тутy, которая, не смотря на романическую твою привязанность, все таки не что иное, какъ гнусная обезьяна! — Одну изъ насъ ты долженъ непремѣнно оставить! Избирай между нами... Если ты хотя немного меня любишь, Фрицъ, то выборъ этотъ для тебя не будетъ затруднителенъ. Неужели ты промѣняешь меня на обезьяну?“

Мой другъ! Вамъ извѣстно, чѣмъ я былъ обязанъ бѣдной Тушу; — скажите, могъ ли я согласиться на то, чтобы ее покинуть? . . Но я страстно любилъ Амалію; представьте же, въ какомъ я находился положеніи! — Я бросился въ домъ Амаліи; тамъ приняла меня ея мать. Я все знаю — сказала она; — говорите, на что вы рѣшились? „Я пришелъ просить Амалію сжалиться надъ бѣдною Тушу!“ . . — Государь мой! отвѣчала она: еслибъ дочь моя была столько слаба, что согласилась бы дѣлить любовь вашу съ обезьяною, то я бы до того не допустила. Чего не должна я опасаться впередъ, когда и теперь уже вы для невѣсты не можете пожертвовать такою мерзкою тварью? Нѣтъ, государь мой! вы не увидитесь съ Амаліей до тѣхъ поръ, пока не дадите честнаго слова, что связь ваша съ обезьяной навсегда прекратилась? — Она ушла, а я съ отча-

яніемъ въ сердцѣ возвратился домой.

Остатокъ дня того провелъ я въ мучительномъ безпокойствѣ. Сдѣлаться неблагодарнымъ, противъ моей воспитательницы, мнѣ казалось не возможнымъ; да и какъ могъ я ее оставить? — Я твердо былъ увѣренъ, что Туту, какъ скоро я прекращу свиданья наши, рѣшится выйти изъ лѣсу; — и тогда она подвергнется неминуемой гибели... Съ другой стороны, какъ могъ я отказаться отъ Амаліи, которую любилъ я страстно, которую неоднократно клялся любить вѣчно?.. Ахъ, другъ мой! я былъ въ ужаснѣйшемъ положеніи!

Во всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ ни на одну минуту. — Рано поутру, лишь только солнце озарило островъ, я всталъ съ своего ложа, по обыкновенію моему накинулъ ружье на плечо и пошелъ въ

лѣсъ. Тамъ встрѣтила меня Тушу. Бѣдная Тушу старалась веселыми прыжками и ужимками показать, какъ она рада была меня видѣть! Но я стоялъ передъ нею, какъ вкопанный, съ поникшею головою. Тушу не привыкла видѣть меня въ такомъ положеніи; она еще болѣе начала ко мнѣ ласкаться и нечаянно дернула лапою за шнурокъ, на которомъ висѣлъ у меня на шеѣ портретъ Амаліи; — онъ упалъ на землю. . . Мой другъ! я взглянулъ на прелестныя черты ея; потомъ невольно посмотрѣлъ на Тушу, и въ эту минуту Амалія въ сердцѣ моемъ взяла верхъ надъ обезьяною. Я поднялъ портретъ и въ первый разъ въ жизни оттолкнулъ отъ себя Тушу; потомъ отворотился отъ нея и хотѣлъ выйти изъ лѣсу. Я намѣренъ былъ идти къ Амаліи. — Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я оглянулся. . . Тушу тихонько шла за мною; я закричалъ на нее съ досадою, — еще сдѣ-

лалъ нѣсколько шаговъ, — опять оглянулся и увидѣлъ, что она все за мною слѣдуетъ. . . Тутъ бѣшенство овладѣло мною. . .Я представилъ себѣ, что она въ состояніи сыскать меня даже у Амаліи. . . Мысли мои помутились. . . Я самъ не зналъ, что дѣлалъ. — Ружье было заряжено; — одно мгновеніе — раздался выстрѣлъ. . . бѣдная Туту пала къ ногамъ моимъ, — и я въ тоже время упалъ на землю, лишенный памяти. . .

Не знаю, сколько времени продолжался мой обморокъ. — Когда я пришелъ опять въ себя, Туту лежала подлѣ меня, плавая въ крови. Угасающій взоръ ея встрѣтился съ моимъ взоромъ. . . Я бросился къ ней, чтобъ перевязать ея рану. Увы! уже было поздно! Она еще разъ полизала мою руку — руку своего убійцы, и умерла въ моихъ объятіяхъ. — Тутъ Фуріи отчаянія овладѣли мною. . . Я убилъ

благодѣтельницу мою, вторую мою мать! . . Я ожидалъ, что земля разверзется подо мною; я недостоинъ былъ жить на свѣтѣ. — Сердце мое наполнилось ненавистью къ Амаліи; я стыдился и вмѣстѣ ненавидѣлъ всѣхъ. Мнѣ показалось страшно быть въ отцовскомъ домѣ: я боялся, чтобъ онъ не обрушился надъ моею головою. — Все меня пугало, — все внушало мнѣ ужасъ. Куда ни бросалъ я взоры, умирающая Туту представлялась моимъ глазамъ; вездѣ я слышалъ ея голосъ. . . На другой день я отправился на Французскомъ кораблѣ въ Европу. —

Не буду разсказывать вамъ подробно дальнѣйшихъ похожденій моей жизни. . . Я вступилъ въ службу Французской республики, надѣясь въ пылу кровавыхъ битвъ забыть Туту и заглушить упреки совѣсти моей. Я искалъ смерти, но она упорно меня убѣгала. . . Вез-

дѣ, вездѣ тѣнь убитой Туту меня преслѣдовала! Въ пылу сраженія, когда пули летали мимо ушей моихъ, свистъ ихъ казался мнѣ визгомъ бѣдной обезьяны. — Ночью, когда товарищи отдыхали на бивакахъ около огня, я одинъ лежалъ съ открытыми глазами; образъ Туту показывался мнѣ и въ темной дали, и въ дыму, клубящемся надъ огнемъ бивакъ, и въ уединенномъ облакѣ, отдѣляющемся отъ темнаго неба. Когда утомленныя вѣжди мои смыкались, — я незапно пробуждался и видѣлъ лежащую подлѣ меня Туту, плавающую въ крови и лижущую мои руки. . . Ахъ, мой другъ! вы мнѣ, вѣрно, не повѣрите — да и собственный мой разсудокъ тому противится, —но я не могу не думать, что тѣнь, меня преслѣдующая, есть тѣнь моей бѣдной Туту. Иногда, особливо въ глухую полночь, я вижу ясно образъ моей Туту; я ощущаю ея ласки; — мнѣ кажется. . . нѣтъ! мнѣ не ка-

жется, а я точно чувствую, что она лижетъ мою кровожадную руку. — — —

Такъ кончилъ разсказъ Полковникъ Фанъ-деръ К. . . — Я не отвѣчалъ ему ни слова. Тогда день клонился къ вечеру и мнѣ самому показалось, что кромѣ насъ обоихъ, въ каретѣ находится еще третье существо, котораго глаза мои различить не могли. — Настала полночь и мнѣ послышалось, что кто-то царапаетъ по стеклу окна. . . Я прижался въ уголъ, закрылъ глаза; однако заснуть не могъ. — Во всю ночь тяжкіе вздохи Полковника и визгъ бѣдной Тушу, раздавались въ ушахъ моихъ.

На другой день, рано по утру, мы прибыли въ Петербургъ; я разсталася съ Фанъ-деръ-К. . . и съ тѣхъ поръ не видалъ его. — Говорятъ, что онъ вскорѣ потомъ поѣхалъ въ Новую Голландію, гдѣ съѣденъ былъ

дикими. . . Миръ тѣни его! Лучше быть съѣдену дикими, нежели мучиться угрызеніями совѣсти. —

„Разсказанную вами теперь повѣсть“ сказалъ я Двойнику „охуждать я не буду, какъ изъ свойственной мнѣ учтивости, такъ и потому, что она дѣйствительно показалась мнѣ довольно занимательною. При всемъ томъ, не могу не замѣтить, что всѣ ваши разсказы немного отзываются какою-то оригинальностію, которая не всякому понравится. Намѣдни говорили вы о Графѣ, который помѣшался въ умѣ отъ того, что влюбился въ куклу. А теперь и того лучше. . . Полковникъ, — военный человѣкъ, привыкшій къ ужасамъ войны, — сходитъ съ ума отъ того, что когда-то застрѣлилъ обезьяну! . . Воля ваша, почтенный Двойникъ, а такія происшествія что-то не въ природѣ!“

— Не въ природѣ? вскричалъ Двойникъ: я вижу, любезный Антоній, что вы не очень внимательно наблюдали природу человѣка. Нѣтъ дѣянія столь безумнаго, до котораго не могъ бы доведенъ быть человѣкъ, не умѣющій обуздать своего воображенія. . . Это говорю я относительно похожденій Графа N. — Что же касается до Полковника Фанъ-деръ К. . ., то безуміе его (если такъ назвать это можно) происходило отъ иныхъ причинъ. Фанъ-деръ К. . . мучила совѣсть — этотъ вѣрный и строгій Аргусъ, котораго сто глазъ бдительно надсматриваютъ за всѣми поступками нашими, пока мы сами не усыпили его. Страданія Полковника происшекли отъ неблагодарности его къ Тушу; — а неблагодарность, любезный Антоній, есть преступленіе, столь гнусное, что чувствительный человѣкъ, имѣвшій несчастіе поступить такъ безчеловѣчно съ благодѣтельницей своей

— хотя бы она была и обезьна, — никогда не можетъ быть покоенъ, если не найдетъ средствъ загладить вину свою! Въ свѣтѣ, на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ людей неблагодарныхъ; но порокъ этотъ отъ того не менѣе гнусенъ, что онъ обыкновененъ. —

„Согласенъ, почтенный Двойникъ, что смотря съ этой точки на мученіе Фанъ-деръ К. . ., ихъ понять не трудно. Не буду спорить съ вами также и о томъ, что неблагодарность часто въ свѣтѣ встрѣчается. Но согласитесь же и вы со мною, что, съ другой стороны, столь же не рѣдко встрѣчаемъ мы людей, требующихъ благодарности, не имѣя ни малѣйшаго на то права. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ слышать упреки въ неблагодарности, и я часто удивлялся безстыдству нѣкоторыхъ людей, кои или требуютъ неистощимой признательности за самыя маловажныя услу-

ги, или даже называютъ себя благодѣтелями за то, что въ такомъ-то случаѣ не столько намъ вредили, сколько, по мнѣнію ихъ, они имѣли къ тому возможности!“ . . .

— И то и другое не хорошо, любезный Антоній; и для того-то поставьте себѣ за правило: за оказанныя вамъ благодѣянія или услуги считайте себя вѣчнымъ должникомъ, хотя бы вы имѣли счастіе воздать за оныя во сто кратъ; — собственныя же ваши услуги и благодѣянія, какъ бы онѣ ни были велики, считайте всегда бездѣлками. — Но пора намъ разстаться; мы сего дня просидѣли долѣе обыкновеннаго. —

„Прощайте, почтенный Двойникъ! Если бъ вы не такъ устали, то я бы желалъ узнать отъ васъ: въ самомъ ли дѣлѣ обезьяны на островѣ Борнео таковы, какъ изображаетъ ихъ Фанъ-деръ К . . ?“

—Охотно удовлетворю ваше любопытство. Но оставимъ до зав. . . тра. . . э. . . тотъ. . . раз. . . го. . . воръ. ... Про. . . щай. . . те! . . .—

Двойникъ исчезъ, — и послѣднія слова его такъ уже были невнятны, что я до сихъ поръ еще не знаю, точно ли онъ ихъ произнесъ, или мнѣ только такъ показалось.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

...овлетворю ваше любо-
...оставимъ до зав. . .
...копъ. . . раз. . . го. . .
. . щай. . . ше! . . —

...чезъ, — и послѣднія
...ъ уже были невнят-
...о сихъ поръ еще не
... онъ ихъ произнесъ,
...ько такъ показалось.

...ТОРОЙ ЧАСТИ.

Ч. 2. ав
Пер. 2. ап